

СОБЕСЕДНИК ТРАВЫ

документально-историческая повесть

www.kamuninat.org

На речном берегу некрасивых деревень и городов нет. И быть не может. Я всегда завидовал деревне, стоящей на реке. Я завидовал ей не потому, что моя родная деревня Горск была для меня некрасивой, непривлекательной, неинтересной. И красива, и таинственна была лесная деревушка Горск, родившая меня, однако до ближайшей речки Винец -- два бесконечных километра. И когда знойным днем мы добирались до Винца (последние полкилометра непременно бегом, наперегонки, на ходу срывая с себя майки) и бросались в его синюю прохладу, счастье наше было с горчинкой: ну почему в нашей деревне нет своей речки?!

Надречная деревня, казалось мне, не может быть несчастливой. Речные люди никогда не могут быть усталыми и злыми, потому что река снимает с тебя раздражение одним своим прикосновением, словно ласковая волшебница. Очарует тебя так, что часами сидишь на берегу, смотришь на текучую синь, и непонятно: в будущее ли она течет, в прошлое ли? Чувствуешь главное: течет сквозь тебя, делает тебя соучастником и прошедшего, и грядущего. Делает тебя бессмертным.

Особенно остро, почти физически ощущаешь себя плотью реки, плотью вечности, когда, опустив весла, покорно плывешь в низенькой лодке-платформе туда, куда несет течение, и когда река широкая неохватная взглядом, такая, как Припять. Зелень неистовствует по обоим берегам, нависает над рекой, стараясь лишиться ее небесного отражения, прет из воды, пытаясь урезать реке земного пространства. Но река сильнее. Об этом свидетельствуют рухнувшие в воду вековые дубы, и черные пни настырной ивы, гниющие у берегов, и зеленые ковры травы, медленно и безвозвратно уходящие под воду...

Древнее реки, стремящейся к океану, нет на земле ничего, кроме самой земли.

Все древние цивилизации рождались непременно на речных берегах.

То, что все на земле смертно, человек понял умом, но сердцем он никогда не воспримет это хладнокровно. Смертны мы сами, смертны птицы и звери, деревья и травы. А река, текущая в вечность? Что чувствует человек, заметивший и осознавший, что река тоже смертна? Можете ли вы представить, что вдруг исчезли реки? Москва — без Москвы-реки, Киев и

Могилев — без Днепра, Пинск — без Припяти и Пины, Сосновка — без Шары, Береза — без Ясельды?..

То, что человек не может даже представить, вдруг возьмут да сделают его руки, и вот перед нами непредставимое, невероятное; из деревни Криницы ушла речка Криница.

У надречной деревни свой лексикон, коль заходит речь о реке, и дед Василек говорил со вздохом: «Пропала Криница, нема Криницы...» Дедок был маленький. Как назвала его мама в детстве Василек, так его зовут всю жизнь.

Деду Васильку вздыхать было отчего. Он маленький, да удаленький, хороший хозяин. В свое время, когда была Криница, он устраивался на ее берегу основательно, в расчете на вечность реки, на ее верную службу хозяйству, дому, душе. Когда Криница пропала, усадьба деда Василька как бы рассыпалась на отдельные несуразные части.

В трехстах шагах от дома нелепо и одиноко торчало крепкое строенье, не связанное с усадьбой. Это баня. Поставлена она была капитально, на кирпичном фундаменте, бревна осиновые, звонкие, век не сгниют от крепкого пара. В десяти шагах от бани была речка Криница — вот там, еще ниже, где в редкой траве теперь валяются ржавые обручи и старые галоши. Здесь она делала широкую петлю, загибалась к бане, текла, чистая и мягкая, прямехонько на раскаленные камни, в душу твою впитывалась очистительным паром. Не стало речки — и баню забросили. Колодец далеко, возле хаты, в баню воды не наносишься, да и воды в колодце на самом доньшке, пошла она в глубь земля догонять Криницу.

Возле бани у нагретой солнцем осиновой стены приспособлена была скамеечка, и, заметно по вытоптанной ложбинке под нею, подолгу на ней сиживал после бани дед Василек, поглядывая на речку, попивая с соседом холодный квас. Теперь сидеть здесь ни к чему, нелепо сидеть и любоваться на вонючее болотце да на сгнившую лодку. Грустно. Если все-таки сесть и посмотреть не на болотце, а правее, то увидишь останки изгороди. Там был у деда Василька сенокос, огороженный от скотины.

Сенокос отменный. Речной бережок был не так чтобы низкий, болотистый, но и не бугристый, трава росла густая, как щетка, пахучая, как

липовый чай. Когда Криница пропала, лужок уже в начале июня начинал желтеть, даже трава росла на нем незнакомая. От такого сенокоса пришлось отказаться, колхозный бригадир выделил деду Васильку другой, у черта на куличках. Не по годам деду Васильку было ходить туда и косить сено. Пришлось продавать корову.

А что делать с садом? От сада не откажешься, сад под окнами хаты, сад — это фундамент усадьбы. Сад захирел. Груши еще держались, еще находили в земле капельки ушедшей Криницы, а яблони усыхали, треть ветвей была без листьев. Весной дед Василек спилил их, но к лету часть ветвей опять усохла. Пили не пили — не спасешь, надо рубить под корень, чтобы не бередили душу эти яблони и эта жизнь...

За болотцем, которое было недавно Криницей, огромный трактор таскал огромный плуг, подбираясь к дедовой усадьбе с каждой огромной бороздой. Скоро он запашет и ржавые обручи, и старые галоши, и жердяной забор, и сгнившую лодку, и даже баню свернет и запашет, если дед Василек разрешит. Силища у трактора огромная: взял и перенес речку на два километра. Надо на нее посмотреть, на новую Криницу.

Идти смотреть новую Криницу дед Василек отказался. По огромным бороздам я пошел один в ту сторону, где, по словам деда, находилась новая Криница.

Прямой аккуратный канал расплосовал надвое распаханное поле и горизонт. «К-2» — информировала табличка, что обозначало: «Криница-вторая». Обозначение было мне знакомо, на моей родине стоят подобные щиты с буквами «Я-2», то есть «Ясельда-вторая».

«К-2» возле себя не задерживало, это была не речка. Это прогоняло меня прочь. К тому же меня ждал дед Василек, он, наверно, приготовил пилу-двуручку: я пообещал ему помочь спилить усохшие яблони в саду.

Если на берегу «Криницы-второй» надо пилить усохшие яблони, то зачем нужно было запахивать плугом Криницу-первую, первозданную, на берегу которой яблони были в цвету?

Вот о чем я думал, стоя на коленях перед крепким яблоневым комлем с пилой в руках. И дедок, наверно, думал о том же. О том, что яблоню, допустим, можно вырастить и новую, и в другом месте. А речку перенесли в

другое место, и она навечно пропала. Природа может родить речку только однажды. Все речки уже рождены и больше рождаться не будут.

Родятся и возникнут новые леса и города, асфальтовые дороги и облака, орлы и змеи, волки и овцы, ромашки, одуванчики, лютики, электростанции, заводы, космодромы, сосны, березы, дубы, улыбки и слезы, горести и радости... Лишь новые речки не рождаются. А те, что родились и, являясь единственными и неповторимыми, текут перед нашим взором, будут умирать. Все в мире рождается, продолжая свой род и вид. Только реки и озера умирают, такова их геологическая судьба.

Речки мелеют. Ветер несет в них пыль, вешние воды несут в них почву с полей.

Даже планета Земля способствует умиранию рек. Вы замечали, что у всех речек сильнее подмыты правые берега? Это сила вращения Земли заставляет реки грызть свои берега и заваливать себя ими.

Умирание рек — процесс естественный, медленный. Только речные люди, прожив на берегу всю жизнь, могут его заметить. Завидовать им не надо. «В природе нам дорого, что жизнь одолевает смерть и человек в природе подсказывает существование бессмертия и на том торжествует». Это сказал М. Пришвин, ему можно верить, он знал и чувствовал природу, как никто другой. Можно, оттолкнувшись от его слов, уверенно сказать и нам: не будет торжествовать человек на берегу умирающей реки. А на берегу реки умершей он будет страдать, как дедок Василек, понимающий, что умиранию родной Криницы поспособствовали люди, но не умеющий доказать этого. Его единственный аргумент — усадьба, по которой он ходил и повторял печальную фразу: «Пропала Криница, нема Криницы...» Не яблони свои он жалел и не сенокос, а речку. Сильно жалел. Чувствовал, что мелиораторы сделали что-то не так, грубо ошиблись. А как правильно, сделать, сказать не мог, не учен был по их части.

Как правильно сделать, подсказывал один человек. Он жалел речку так же сильно, как дед Василек, и в то же время квалифицированной объяснял, как делать мелиорацию, чтобы и речки были, и хлеб был. Но его называли дилетантом. Над ним измывались, хотя он доктор сельскохозяйственных наук. Почему это случилось, считаю своим долгом рассказать, пусть хоть этот

рассказ будет зафиксированной на бумаге памятью о тысячах речушек, которых нет и никогда не будет.

Мой герой — ученый. Наука, как она сама заявляет, признает лишь факты, оперирует фактами. Значит, дальнейший рассказ необходимо строить только на документах, зафиксировавших в свое время те или иные факты.

«10 октября 1979 года исполнилось 75 лет со дня рождения и 52 года научной, педагогической, производственной и общественной деятельности члена-корреспондента АН БССР, доктора сельскохозяйственных наук, профессора Григория Иосифовича Лашкевича».

Так начинается вступительная статья в «Библиографии научных трудов Г. И. Лашкевича», выпущенной минским издательством «Наука и техника» в канун 1980 года. В книге перечисляется множество научных заслуг юбиляра, я процитирую лишь то, что имеет непосредственное отношение к дальнейшему разговору.

«Г. И. Лашкевичем проведены научные исследования, имеющие важное научное и практическое значение: он разработал эффективные приемы, повышающие плодородие торфяных почв и продуктивность сельскохозяйственных культур. Результаты исследований опубликованы в 184 научных работах, статьях, в том числе в пяти монографиях. Научные работы Григория Иосифовича отличаются оригинальностью, новизной, глубоким подходом к изучаемым вопросам...

В исследованиях Г. И. Лашкевича впервые в нашей стране разработаны вопросы устройства и использования сеяных пастбищ..

Григорием Иосифовичем определено влияние водного режима на эффективное плодородие почвы и продуктивность растений, а также рекомендуются оптимальные влажность торфяной почвы и нормы осушения для сельхозкультур... Он отвергает глубокое одностороннее осушение и рекомендует строительство мелиоративных систем двустороннего действия с водорегулирующими сооружениями, обеспечивающими оптимальное увлажнение почвы и получение высоких урожаев с хорошим качеством продукции...

Г. И. Лашкевич всемерно внедряет достижения науки и передовой практики в производство. Он занимается освоением и использованием мелиорированных земель с начала 1928 года, является старейшим ученым, непосредственно проводившим исследования по разработке проблем растениеводства на торфяных почвах...»

Не удержусь, еще одна цитата — из приветственного адреса, торжественно врученного профессору под звон бокалов юбилейного банкета: «Ваш основной вклад в государственное дело связан с мелиорацией и облагораживанием нашей родной белорусской земли, с умножением ее неисчерпаемых богатств и сохранением природной красоты...»

Здесь каждое слово — самая суть многолетней деятельности профессора Лашкевича. Суть и оценка. Высшая похвала. Прекрасный итог трудной борьбы. Торжество бойцовского характера и справедливого дела.

Увы, профессор не рад, показывая мне кипу поздравительных телеграмм и гору приветственных адресов, тисненых витиеватым золотистым шрифтом. «Слова!.. Как научились мы красиво говорить...» — гримаса боли на старом добром лице.

Я знаю профессора не один год, и его боль рождает во мне вопрос: доколе?!

Доколе о профессоре Лашкевиче будут говорить: «Специалист он, конечно, известный, старый ученый, но, как бы вам помягче сказать, недопонимает многого, упрощенно толкует, слишком прямо объясняет. Язычник, одним словом»?..

Высотное здание Белорусского научно-исследовательского института мелиорации и водного хозяйства. Современный кабинет, весь под дерево. Полированный стол, весь под бумагами. Сидит за ним молодой коллега профессора Лашкевича, поднимавший недавно юбилейный бокал, и говорит о нем: недопонимает. Повторяет то, что говорили о Лашкевиче последние тридцать лет его давние оппоненты. Молодой ученый слово в слово повторяет то, что продолжают говорить старые оппоненты Лашкевича сегодня:

—Неглубоко мыслит. Скрывает факты. Кричит много, славу себе зарабатывает. — Это говорит мне профессор Ивицкий Андрей Игнатьевич. Медленно говорит, каждое слово обдумывает, видит, что я записываю, не

торопится, чтобы я успел зафиксировать в блокноте каждое слово. И я фиксирую.

Затем спускаюсь с шестого этажа на второй, где в комнате 203 по предварительной договоренности меня ждет профессор Печкуров Андрей Федорович. Записываю и его слова:

— Лашкевич безграмотен. Неправильно проводит опыты. Его результаты надо выбросить в мусорный ящик, а не рекомендовать производству!

«Протокол № 24 заседания ученого совета БелНИИМиВХ от 17 августа 1967 года.

Повестка дня: обсуждение статьи профессора Г. И. Лашкевича «Аттестует урожай», опубликованной в «Комсомольской правде» 4 августа с. г.

По предложению председательствующего статью прочел и. о. ученого секретаря Сакович Ф. И. (Статья Г. Лашкевича большая, трехколонник. Мы зачитаем самое главное.— А. К.)

Статья Г. Лашкевича:

«В последние пятнадцать лет в Белоруссии широко применялось, да и сейчас применяется так называемое глубокое осушение. Что это значит? На мелиорируемых землях прокладываются широкие глубокие каналы, по которым происходит быстрый односторонний сброс воды. Вода беспрепятственно уходит в водоприемник, и уровень ее в почве катастрофически падает.

Научные исследования, проведенные в нашей стране и за рубежом, многолетняя практика доказали, что интенсивность сработки органической почвы находится в прямой пропорциональной зависимости от глубины уровня воды. Ученые утверждают, что для максимально возможного сохранения органического вещества надо поддерживать уровень воды так близко к поверхности, как это допускает возможность получения устойчивых урожаев. Не учитывать всего этого при проектировании и производстве мелиоративных работ — значит, наносить непоправимый ущерб народному хозяйству, растраничивать национальные богатства.

Падение уровня воды сказывается не только на урожаях, но и на всей природе. Побываешь сейчас на речках Морочь, Гурья, Волма, Веселка, Лоша,

и, честное слово, сердце сжимается: настолько неприглядны они. В лесных массивах мало-помалу начинают гибнуть деревья, растительность: не хватает влаги.

Комитет Совета Министров БССР по охране природы основными причинами падения уровня воды в почве считает существующую практику одностороннего осушения и спрямления рек-водоприемников; проектирование мелиоративных объектов без учета всех природоохранных факторов; составление проектов без достоверных изысканий и т. д. Разве не заставляет все это серьезно задуматься?

Безводье на глубоко осушенных болотах приводит к губительным пожарам. Огонь уничтожает большие площади торфяников, на которых тысячелетиями накапливалось органическое вещество. За все это мы в ответе перед природой.

В нашей стране рекомендация ученого имеет особую роль. Ей верят, на ее основе строят хозяйственную политику на многие годы. Какой же урон мы нанесем, если рекомендация ошибочна! Об этом должен думать каждый ученый. Должен знать, что за каждую строчку своего научного труда он отвечает перед партией, государством, всем народом».

Выступили:

1. Печкуров А. Ф.

«В статье Г. Лашкевича подняты важные вопросы, но изложены они автором предвзято. Основной недостаток в том, что автор несведущ в вопросах мелиорации, мало в них разбирается и поэтому дает необоснованные рекомендации. Главнейшая причина малой эффективности мелиорированных земель — недостаточное соблюдение агротехники. Минерализация торфа не зависит от глубины уровня грунтовых вод.

Упоминается в статье о вреде пожаров на осушенных торфяниках. Но от них легко избавиться, если иметь пожарную машину. Автор статьи, затрагивая вопрос регулирования рек, приходит к выводу, что мол-де все было хорошо, пока не вмешался человек и не занялся переделкой природы. Известно, что без регулирования рек потенциально плодородные земли почти бесплодны. Без переделки природы, без коренной мелиорации нельзя получить высокие урожаи на заболоченных землях».

2. Щитников П. И.

«На мой взгляд, в статье Г. И. Лашкевича подняты серьезные, злободневные вопросы. Правильно заострено внимание на том, что эффективность мелиорации низкая. Автор высказывает точку зрения, что основная беда — неправильное осушение: глубокие каналы, отсутствие двустороннего регулирования водного режима. Я разделяю мнение автора о необходимости повысить качество мелиоративных работ, но мне непонятно, почему т. Лашкевич, высококвалифицированный научный сотрудник, неправильно освещает вопросы мелиорации. В статье затронуты серьезные вопросы, но изложены они неквалифицированно, путано. Статья не мобилизует, а дезорганизует руководителей и специалистов».

3. Вельский Б. Б.

«В статье Г. И. Лашкевича подняты вопросы, заслуживающие серьезного внимания. Необходимо приступить к более широкому изучению влияния двустороннего регулирования водного режима на урожай. Пора создавать на опытных станциях института условия для изучения этих вопросов. На Полесской станции уже третий год не могут получить высокого урожая из-за поздних весенних заморозков. Между тем на опытных участках, где уровень грунтовых вод ближе к поверхности, не наблюдалось повреждения картофеля заморозками. Надо больше внимания уделять изучению регулирования почвенной влажности».

4. Брановец Е. П.

«Непонятен термин «глубокое осушение», который применяет т. Лашкевич. Мы проектируем глубокую сеть для пропуска паводков, но считаем, что это нормальное осушение. Непонятно также, почему у автора текут слезы при виде отрегулированных рек. В статье нет должной целенаправленности, она в известной мере является поклепом на мелиораторов».

5. Лубяко Е. И.

«Статья Лашкевича затрагивает важные, но общеизвестные вопросы. Было бы правильно, если бы доктор сельхознаук Лашкевич на основании исследований указал, какая глубина канав должна быть, какие нормы он рекомендует. Выступающие правильно сделали упрек Лашкевичу в том что он,

как крупный специалист, неверно освещает ряд вопросов. Пожаров на торфяниках можно избежать, если принять необходимые меры. Объяснять же причину пожаров глубоким осушением — значит, по сути, покрывать поджигателей. Товарищ Лашкевич по своему усмотрению использует термин «глубокое осушение». Надо выжечь каленым железом этот термин. Нет ни глубокого, ни мелкого осушения, производится лишь нормальное осушение».

(Автор вынужден вмешаться. Через пять лет минское издательство «Вышэйшая школа» выпустит солидный сборник коллектива ученых республики под названием «Охрана природы». Откроем его на странице 289: «А. Ф. Печкуров, В. М. Зубец, С. Г. Скоропанов... создали даже «теорию» одностороннего осушения со сбросом воды, которая включала три главных направления: 1) осушение открытыми глубокими каналами; 2) строительство упрощенных мелиоративных систем; 3) игнорирование закрытого дренажа и отрицание двустороннего регулирования водного режима. Главный довод в пользу одностороннего осушения состоял в дешевизне строительства и окупаемости затрат в два-три года. Однако на практике этого не произошло. Примитивные мелиоративные системы... быстро выходили из строя. Засыпанные оползнями песка и торфа каналы задерживали воду — вновь начинался процесс заболачивания»).

6. Лашкевич Г. И.

«Мне не следовало бы присутствовать и выступать на ученом совете, где меня оскорбляют. Содержание выступлений говорит о том, что в институте сложилась нездоровая обстановка. Разве не тревожно положение с осушением земель в Белоруссии? Министр, мелиорации т. Алексеевский в газетной статье отмечал, что в Белоруссии самая отсталая система осушения. Печально, но, судя по сегодняшним выступлениям, институт не собирается перестраиваться. Глубокое осушение, рекомендуемое институтом, привело к тому, что в совхозе «X лет БССР» за 35 лет на половине территории уже нет торфа, урожай зерновых здесь получают не более 25 центнеров, а раньше брали по 35. Истина в том, что без воды растение не может жить. Кое-кто забыл даже изначальную истину, приступив к переделке природы. В проектах по-прежнему не предусматривается двустороннее регулирование водного режима...»

В связи с репликами с мест Печкурова и Лубяко Г. Лашкевич прекратил свое выступление и ушел с заседания ученого совета.

Волею автора я прервал этот ученый совет. Я ушел вслед за профессором Лашкевичем. Я понимаю, почему он не пожелал оставаться. Важнейшие вопросы он хотел обсудить серьезно, проверяя их не только экономикой, но и совестью. «Вы мобилизуете против меня институт, я буду мобилизовывать против вас общественность!» — сказал на одном из ученых советов Лашкевич. Своей трибуной он избрал прессу, и она ему помогла (по этому поводу не могу скрыть своего профессионального удовлетворения и не выразить признательность коллегам-газетчикам, в пору сумятицы честно поддержавшим опального профессора!).

Он хотел научного спора. Хотел равноправной полемики с коллегами-специалистами на основе объективных фактов и логических доказательств. Такой спор со всей страстью он вел с 10 октября 1945 года, сняв солдатскую шинель и став заведующим отделом растениеводства БелНИИМиВХ.

Я читал стенограммы заседаний ученого совета, протоколы партийных собраний института и под традиционной рубрикой «выступили» часто видел фамилию Лашкевич. Его выступления всегда глубоки по мысли, он никогда не говорит об отдельном факте, он всегда видит взаимосвязь множества фактов. Речку он называет не водоприемником, а именно речкой и на ее берегу видит не только пыльные ряды картофеля, но и вербы, и ромашки, и босоногих друзей с удочками, и себя, мальчишку, на берегу Добричи, где в школьную тетрадку записывал первые стихи...

Над ним смеялись открыто и завуалированно. Его обвиняли в зазнайстве, грубости, эгоизме, лирическом восприятии природных ресурсов и прочих грехах. Ему было нелегко, могу засвидетельствовать, я видел его боль.

«Секретарю партийного бюро Белорусского НИИ мелиорации и водного хозяйства тов. Жолнеровичу А. М.

Г. И. Лашкевич неоднократно выдвигает серьезные обвинения мне и другим сотрудникам института. На заседании бюро, на партийном собрании и ученом совете он заявлял, что нужно судить меня, В. М. Зубца, А. И. Ивицкого и других. Он обвиняет нас в том, что не проводится шлюзование осушенных

земель. По его мнению, нужно строить больше шлюзов, хотя на них затрачиваются огромные средства. Но нам известно, что построенные шлюзы не оказывают влияния на регулирование водного режима на осушенных торфяниках. В засушливое время воды в каналах нет, и шлюзы стоят без использования. Наоборот, они часто приносят вред. Поскольку их закрывают в засуху, то они остаются закрытыми и весной, задерживают сток, переувлажняют территорию. Таким образом, средства, затраченные на мелиорацию, оборачиваются не благом, а вредом. 16.VII 1966 г. А. Ф. Печкуров».

Заметили, какая система доказательств: шлюзы не нужны, поскольку их забывают открыть! Случайная беспхозяйственность возводится в научную категорию, заменяет научное обоснование рекомендации, которая внедряется в практику: долой шлюзы! Вот против чего выступал и протестовал Г. Лашкевич — против лженауки. Протестовал на заседаниях и совещаниях, протестовал собственными исследованиями, не прекращая их ни на день, протестовал своими выступлениями в печати.

«Андрей Федорович Печкуров работает заместителем директора Белорусского научно-исследовательского института мелиорации и водного хозяйства. Старейший белорусский ученый, доктор технических наук. Одним словом, человек, который имеет самое непосредственное отношение к проблемам мелиорации и обязан (цитируем слова самого Печкурова) «оказывать научную помощь производству с тем, чтобы при минимальных затратах достичь лучших результатов». Чем же помогает Андрей Федорович?.. Лет пять назад по предложению А. Ф. Печкурова на Коссовской опытной болотной станции были уничтожены шлюзы, засыпаны бульдозером осушители и коллекторы. В результате уже в следующем году урожайность культур резко снизилась, торфяники пересохли. «Урожай второго укоса трав в 1963-64 годах на 50 процентов ниже урожая 1962 года», — это дословное признание директора станции А. Михальцевича. В прошлом году он вместе с директором института В. Зубцом вынужден был обратиться в проектный институт с просьбой составить проект шлюзования». (Г. Лашкевич, доктор сельскохозяйственных наук, 3. Пригодич, спецкор «Звезды», 30 августа 1966 года).

«В 1966 году в Лунинецком районе Брестской области пожары охватили 9765 гектаров осушенных торфяников. Сгорело 1117 гектаров посевов, 2750 гектаров подготовленных к севу площадей, 2947 гектаров сенокосов и пастбищ. Кроме того, сгорела 1000 тонн заскирдованного сена. На тушение пожаров затрачено свыше 12 тысяч человеко-дней, 500 машинно-тракторных смен» (из официальной справки органов охраны природы).

«В бывшем Ветковском, теперь Гомельском районе имеется болотный массив в водосборе реки Неманки. Торфяное болото является источником этой речки. Главк мелиорации утвердил к строительству такой проект, который не только осушал, но уничтожал все водные ресурсы, вплоть до деревенских колодцев» (из справки Госкомитета по охране природы СМ БССР. 1964 год).

«В колхозах и совхозах Молодечненского района осушено 8,6 тысячи гектаров торфяников. Неизвестно, по каким причинам в проектах сняли шлюзы. Это неправильно. Экономим на шлюзах рубли, а теряем тысячи, недобирая урожай. Отсутствие шлюзов вынуждает руководителей колхозов идти на преступление: чтобы задержать воду, они перекапывают каналы» (из докладной записки секретаря Молодечненского РК КПБ В. Быковского. 24 июля 1964 года).

«Лельчицкий район. Болото «Городецкий мох». 2000 га. В изобилии росла клюква. Мощность торфа 3 м. и более. Подстиляется песками. Сделали глубокое осушение. Вода ушла в песок. Безумцы, что вы делаете? Болото горит день и ночь» (из походного дневника профессора Г. Лашкевича. 1962 год).

«Южнее Добруша. Все болота переосушены. В деревенских колодцах нет воды. Колхозники говорят: наука недоработала. Стыдно». (Из походного дневника профессора Г. Лашкевича. Лето 1963 года).

В июле 1973 года в моем корреспондентском блокноте появилась такая запись: «Брагинский район. Деревня Посудово. Идем по песчаной улице. Необычно низкие срубы колодцев. Их углубляли. Воды в колодцах нет. Рядом с деревней мелиораторы ведут глубокий канал. Ночью кто-то из местных жителей испортил экскаватор топором. Разобраться -- почему».

Я попытался разобраться, установить связь между деревенским колодцем и экскаватором. Свой очерк я назвал «Путь воды». Этот очерк,

опубликованный в журнале «Неман» (№ 5, 1974), и познакомил меня с профессором Лашкевичем. Он мне позвонил и поблагодарил за «нужную и полезную статью».

Мне было худо от его «спасибо». Всего несколько лет назад я своими руками рыл на Полесье те самые глубокие каналы, против которых воевал профессор Лашкевич. Он ночей не спал, страдая и негодуя от головоупияства, а я -- рыл. И не находил в своей работе злого умысла, как не находили такового и мои товарищи, мелиораторы Полесья, которые прокладывали по болотам глубокие каналы на благо родной земли, как они полагали, находя в своей нелегкой работе и пользу и романтику. Тому есть свидетельство -- очерк вчерашнего мелиоратора и начинающего журналиста (студента журфака), опубликованный в республиканской «Сельской газете» 9 июня 1968 года. Пусть документ подтвердит, что белорусские мелиораторы -- не преступники:

«Мы едем на работу. На целую неделю. У меня за плечами набитый продуктами рюкзак. У Степана -- хозяйственная сумка, привязанная к заднему сиденью мотоцикла. Степан пылит впереди. Лесная дорога пересохла. «Ява» Степана буксует в песке, виляет от обочины к обочине, мой «Иж» -- тоже, хотя он и более тяжелый. И так 30 километров.

Поднимаемся на высокий холм. Леса закончились, вокруг болото в мелком кустарнике. Степан останавливается и смотрит. Далеко впереди виден наш экскаватор. Он кажется совсем маленьким -- спичечная коробка с воткнутой в нее спичкой. «Спичка» поворачивается вправо-влево. Значит, экскаватор работает, за рычагами сидит Сергей Чиж, его с помощником мы и едем сменять.

Вблизи «Э-652» -- громадина. Наш дом на гусеницах. В нем есть крыша, никакой дождь не страшен. Теплый, словно живой, дизель греет нас холодными днями.

Мы начали работать, для пересменки не заглушив двигатель. Ковш, сверкнув на солнце, стремительно полетел вниз. Но -- не упал, а, коснувшись воды на дне канала, скрылся в ней и без остановки плавно начал вгрызаться в грунт. Заборный трос натянулся -- вот-вот зазвенит, как струна. Экскаватор весь напрягся -- глина под торфом бывает очень твердая. Экскаватор дрожит

от напряжения, приподнимается своей передней частью, будто живой, -- так ему трудно. Отчаянно завизжала лебедка. И тут -- щелчок на пульте, и заполненный, мокрый ковш тяжело повисает на тросах в воздухе. Стрела делает полукруг, и ковш с шумом опрокидывается далеко от канала.

Затем этот самый ковш, чуть-чуть касаясь земли, гладит откосы. Гладит нежно, как человеческая ладошка. Не верится, что только один его зуб весит 20 килограммов, -- так он легок в руках Степана.

...Жарит солнце. Дрожат в зыбком мареве дали. Возле экскаватора вода в канале мутная, а дальше -- синяя, как небо. В охапке сухого сена трещат кузнечики. Ложимся со Степаном друг против друга. Потрошим свои сумки. Обедаем всухомятку -- яйца, сало, огурцы. Чай из термоса.

Километрах в трех от нашего экскаватора -- хуторок. Две хатки. Одна свободна, хозяева давно живут в деревне. В этой хатке мы и поселились. Дверь открываешься со скрипом. В сенцах паутина. Степан, он тоже Козлович, что-то напевая, орудует у керогаза. Мне не позволяет, а ведь устал за день больше, чем помощник. Кричит мне: «Режь сало! Я тебе такое сейчас сготовлю!..»

Милый мой старший друг Степа, я знаю, что опять будет перловая каша. Я слышал, как ты шуршал бумагой, разворачивая концентрат, сыпал его в кастрюлю. Но пусть будет сюрприз.

Засыпаем и слышим треск кузнечика где-то совсем близко, под ухом. Шумит за окном старая полесская груша. Завтра, чуть свет, нам к экскаватору.

На топких местах экскаватор стоит на сланях. Что такое «слани»?

Представьте: толстые сосновые столбы, на их концах просверлены отверстия. В них просовывается шестимиллиметровый трос, столбы связываются попарно. Это и есть слани. Без них экскаватор не продвинется по болоту ни шагу, увязнет, залезет на тот свет. Сланиями эти толстые бревна называли потому, что их укладывают, стелют на болото.

На бревна взбирается экскаватор. Когда грузный «Э-652» двигается по сланям, они скрипят, прогибаются, гусеницы сдирают с них щепу. Болото дрожит на десятки метров вокруг. Стрела экскаватора широко раскачивается, и кажется, сейчас нарушится равновесие, экскаватор рухнет.

Степан встал с сиденья, вытянул шею, внимательно смотрит вниз, на гусеницы. Экскаватор медленно движется, подминая бревна. Через два метра Степан выключает ходовую часть и начинает делать очередную выборку грунта. Через десять минут опять нужно продвигаться вперед. Но впереди сланей нет. Их нужно взять сзади экскаватора и переложить вперед. Перекладывает слани сам экскаватор. Медленно Степан подводит ковш к крайней паре сланей. Специальными крючьями я прицепляю бревна к ковшу и отпрыгиваю в сторону подальше. Степан поднимает ковш, слани тянутся за ним, встают почти вертикально. Степан разворачивает платформу -- слани бороздят следом болото. Точным движением Степан укладывает бревна впереди экскаватора. Я отцепляю крючья. Экскаватор взбирается на вновь уложенный помост и продолжает рыть канал.

Слани очень быстро изнашиваются. Если прозеваешь, может случиться беда.

В тот день я работал с Сергеем Чижом. Степан болел. Сергей стал машинистом недавно, опыта у него было поменьше. Когда в очередной раз экскаватор шел по сланям, послышался треск. Бревно проломилось -- экскаватор накренился. Тут бы остановить его, но Сергей растерялся, побледнел. Экскаватор, забирая гусеницами, рассовывал бревна и, не находя точки опоры, валился набок, на крышу машиниста.

«Прыгай!»-- закричал я.

Сергей бессмысленно глянул на меня и прыгнул, оставив не выключенные рычаги. Прыгнул прямо в болото, увяз по пояс, пополз-поплыл в сторону, подальше от экскаватора. Стрела коснулась кусов лозы и примяла их. Огромная машина экскаватора медленно укладывалась набок. Гусеницы блестели в воздухе и вращались, с них летели черные комья грязи. Страно было видеть в воздухе живые гусеницы. Дизель работал рывками, вот-вот захлебнется. Сергей подполз к нему, рванул рычаг декомпрессора.

Стало необычно тихо. Забулькала из радиатора ржавая вода. У нас дрожали колени.

«Давай! За Степаном!» -- глянул на меня Сергей, бледный и грязный.

Я сажусь на «Иж» и после 30 километров бешеной езды вбегаю в хату к Степану. Он выслушал спокойно, он всегда был внешне спокоен, полный, немногословный увалень. Молча пошел в сарай за своим мотоциклом.

Экскаватор мы подняли с помощью двух мощных тракторов. Нам повезло: экскаватор мог бы упасть в канал, и тогда его пришлось бы вытаскивать вертолетом.

Канал, который мы рыли, был глубокий и широкий, как речка. На многие километры он протянулся в Дрогичинском районе. Это был наш канал, наши руки вырыли его. Вскоре вокруг него зазеленеют поля. А мы пойдем дальше, в глубь Полесья, оставляя за собой новые каналы, в которых вода синяя-синяя — до самого горизонта».

Синий канал в Дрогичинском районе Брестской области мы, мелиораторы, рыли летом 1964 года. У нас имелся проект -- длинный рулон бледно-коричневой бумаги, изготовленный в каком-то институте. В проекте было указано направление канала, его глубина, ширина. Мы втыкали на местности тычки -- и в точности исполняли то, что разработали сначала ученые, затем проектировщики. Ошибались они, но не мы. Если бы мы повели канал не туда, нас был съел пьяница-прораб.

Через десять лет один из разработчиков теории глубокого осушения академик Скоропанов признал и одновременно виртуозно отверг свои ошибки:

«До недавнего времени мелиорация переувлажненных земель заключалась в отводе избыточных вод и создании относительно благоприятных условий водного режима почвы. Разумеется, это элементарное требование сохраняет свое значение и на будущее. Однако в условиях последовательной интенсификации сельскохозяйственного производства, что является характерной чертой развитого социализма, этого недостаточно. Выдвигается принципиально новое требование: отрегулировать водный режим почв так, чтобы возделываемые растения бесперебойно и нормально снабжались водой в течение всего периода их произрастания» («Проблемы мелиорации», Минск, 1974 год).

Вы уловили главную мысль академика? Оказывается, вода понадобилась растению лишь при развитии социализме!

Лашкевич, прочитав вышеупомянутое изречение Скоропанова, смеялся до слез. Вытирал слезы и с восхищением приговаривал: «Ах мудрец! Ах молодец!»

Причина для смеха имеется. Скоропанова даже не хочется комментировать. Но смеялся-то победитель непризнанный. Не признали оппоненты победу Лашкевича. Может, признают свои ошибки при полном и окончательном коммунизме, когда растению понадобится воды еще больше, чем при развитии социализме?

В затянувшейся на десятилетия дискуссии оппоненты выдвигала против профессора Лашкевича главнейший козырь: он не предлагает в мелиорации ничего нового. Лашкевич отстаивая свою точку зрения, всегда подчеркивал то же самое: все, что я предлагаю, не ново.

И вправду не ново, а очень старо — сто лет идее Лашкевича о необходимости двустороннего регулирования. Прогрессивные русские ученые убедились в целесообразности регулирования почвенной влаги еще во время работы на Полесье известной Западной экспедиции, а начала она осушать болота в семидесятых годах XIX века.

Теорию и принципы отечественной мелиоративной науки разработал академик А. Н. Костяков (Лашкевич называет его корифеем мелиорации). Он доказывал, что совершенную мелиоративную систему нельзя мыслить как аппарат одностороннего действия, она должна регулировать и поддерживать водный, питательный и тепловой режимы почвы в заданных пределах. Идеями Костикова белорусские мелиораторы руководствовались до начала пятидесятых годов, пока не родилась «теория» глубокого одностороннего осушения.

В науке это бывает нередко: одна теория побеждает другую, одна система доказательств навсегда меркнет перед другой, ученый исповедовал одну идею, а затем перешел к другой. Бывают яростные споры противников. Бывают заблуждения, ошибки, отступления...

Что же было у «глубокоосушенцев»? Как, в силу каких обстоятельств родилась их ошибочная «теория» и почему она без промедления стала печальной практикой?

Чтобы ответить на эти вопросы, нам придется запастись терпением и почитать, что мыслили «глубокоосушенцы» о воде, почве, реке, то есть о главных компонентах жизни на земле.

1954 год. В работе «Принципы проектирования закрытого дренажа в Белорусской ССР» на стр. 62 профессор Ивицкий писал:

«Норма осушения, т. е. необходимое для нормального роста и развития сельскохозяйственных культур понижение уровня грунтовых вод, является величиной переменной и зависит от многих факторов: свойств почвы, вида сельскохозяйственных культур...

Для торфяных почв можно принимать нормы осушения (средние за вегетационный период): луговые травы — 60—70 см, яровые зерновые — 70, корнеплоды — 85—100».

Нормы осушения — главный предмет спора, начавшегося в конце сороковых годов, когда зарождалась «теория» глубокого осушения. Именно с пересмотра этих норм и начинали. В цитируемой монографии А. Ивицкий подтверждает старые верные довоенные рекомендации, но вопреки им делает весьма неожиданные выводы (стр. 63): «Следует отметить, что приведенные... нормы осушения, как показали наши последние исследования, верны лишь для болот, впервые вступающих в освоение. На болотах давней культуры, где под влиянием осушения и освоения создан мощный окультуренный слой и почва стала структурной, значительное (даже до 2,5 м) понижение уровня грунтовых вод не сказывается отрицательно на урожайности таких культур, как конопля, картофель и частично зерновые».

Вот и услышали мы, уважаемый читатель, первое осторожное дуновение нового ветерка в мелиорации. Очень быстро он превратился в шквальный суховей, взбив над осушенным торфяником черное облако, опалив зеленый покров соседней роци, высушив прозрачную речушку, петлявшую на опушке...

1961 год, С. Скоропанов «Освоение и использование торфяно-болотных почв». Монография. Стр. 52: «В связи с распространенным мнением об опасности переосушки болот... Минская опытная болотная станция в 1923 году заложила опыты по изучению этого вопроса. Подводя первые итоги проведенных опытов, Б. А. Ганжа в 1925 году не без оснований замечал, что каждое руководство по мелиорации предостерегает от опасности переосушки, которая превращает пахотный слой в пыль... Однако... за истекшее время в БССР не зарегистрировано ни одного экономически ощутимого примера переосушки торфяно-болотных почв».

В том же 1961 году Г. Лашкевич писал в докладной записке руководству института: «При осушении редкой сетью глубоких каналов водный режим на осушенных участках неблагоприятный. Тот факт, что колхозы и совхозы собирают в последнее время более низкие урожаи, чем до войны, указывает на необходимость коренного улучшения качества мелиоративных проектов».

Выводы Скоропанова были противоположного свойства (цитируем ту же работу на 56-й странице):

«В 1932—1935 гг. Н. Ф. Лебедевич и А. И. Ивицкий проводили полевые опыты по изучению норм осушения... В опытах выращивались многолетние травы, однолетние культуры — картофель, подсолнечник, конопля и овес. По заключению Н. Ф. Лебедевича, для них недопустимо понижение уровня грунтовых вод глубже 100—110 см.

Эти выводы, а также выводы А. И. Ивицкого нельзя принимать как бесспорные».

Если Ивицкий еще сомневается, то Скоропанов в своих суждениях категоричен (стр. 56):

«Большое значение результатов этого опыта состоит в том, что полученные данные не подтверждают распространенного мнения об отрицательном влиянии на урожай глубокого понижения грунтовых вод».

Старое мнение отвергнуто, новое утверждено: можно понижать уровень грунтовых вод хоть на километр. Нет, на километр все-таки не стоит, это нецелесообразно по экономическим соображениям. А для растений, для природы такое понижение нечувствительно, безвредно, уточняет автор монографии.

Пока С. Скоропанов делал собственные выводы, обобщая чужие результаты, окрепло новое мнение А. Ивицкого. В коллективном сборнике «Минской болотной станции 50 лет» он подробно описывает свои опыты, в результате которых получилась интересная зависимость: чем ниже уровень грунтовых вод, тем выше урожай. Выводы?

Стр. 79: «Главная опасность заключается не в переосушке, а, наоборот, в недостаточно интенсивном осушении болота».

Стр. 89: «Главной положительной стороной глубокого осушения является то, что благодаря мощному осушенному слою торфяной почвы и большой влагоемкости торфа болото превращается в своего рода грунтовое водохранилище, вмещающее в себя талые снеговые, дождевые и регулирующие грунтовые воды не только в годовом, но и в многолетнем разрезе. Вследствие этого на осушенном болоте создается устойчивый водный режим, обеспечивающий, по крайней мере в зоне достаточного увлажнения, к которой относятся Белоруссия, Прибалтика, центральные области Российской Федерации, получение высоких, независимых от погоды урожаев сельскохозяйственных культур...»

Не могу не возразить профессору Ивицкому. У моей родной деревни Горск было когда-то огромное Польское болото: редкий кустарник, белый мох, под ним трехметровый торфяник, на окраинах булькающая бездонная трясина. Даже это болото часто пересыхало так, что за сеном туда ездили на возах. Что же стало с болотом, глубоко осушенным? Черная буря! Она повисла над деревней Горск в 1969 году, когда по Польскому болоту проложили глубокие каналы.

Теперь-то я знаю: рождалась черная буря не на болоте, а в монографиях и статьях ученых БелНИИМиВХ.

Итак, главнейший вывод «глубокоосушенцев»: шлюзы не нужны, глубокое осушение не опасно. Как продолжать мелиорацию?

В НИИ, как и повсюду, специализация: С. Скоропанов, А. Ивицкий занимались, в основном, растениями (С. Скоропанов был еще министром сельского хозяйства республики), В. Зубец — осушительной сетью (и руководил институтом). Последний в 1966 году пишет монографию «Реконструкция гидромелиоративных систем». Стр. 131: «Мелкую систематическую сеть можно

заменить глубокими разреженными каналами при интенсивном сельскохозяйственном использовании осушенных земель... на болотах, подстилаемых хорошо водопроницаемыми грунтами...»

— Это безумие! — говорил мне Г. Лашкевич. — Под полесским торфяником мощный слой песка, тридцать—сорок метров. Если врезать канал в этот песок, вода уходит в него, как в решето.

Но грунтовая вода, как установили Ивицкий и Зубец, растениям не нужна, и ее можно смело спустить в море, углубив реки. Исполнитель — профессор А. Печкуров, его специализация — реки. Что делали с реками в пятидесятых годах, в шестидесятых годах, мы знаем: уничтожали как таковые. Знаем также, что метод спрямления рек начал отвергаться в конце шестидесятых годов. Но в 1973 году в сборнике «Проблемы Полесья» (стр. 354) А. Печкуров, не колеблясь, утверждает:

«Реки, протекающие по болотам, отличаются высокой шероховатостью, зарастаемостью водной растительностью, засоренностью и извилистостью русел... В таких местах регулирование реки-водоприемника необходимо осуществлять от верховья до устья...

Извилистые болотные водотоки, особенно некоторые притоки рр. Припяти, Березины, Днепра, Сожа, Немана и Западной Двины (главные реки Белоруссии, национальная краса республики. — А. К.), как правило, требуют решительного спрямления русла с приданием ему правильных уклонов дна и однообразных поперечных сечений от устья до истока».

В 1980 году А. Печкуров говорит мне, корреспонденту «Литературной газеты»:

— Реки надо регулировать. Особенно полесские реки. Низкие берега. Скорости малые. Вода насыщена органическими кислотами. Она требует очистки. Надо создать ей нормальное движение. Реку надо спрямить...

Он говорил краткими фразами, словно подавал команды. Он похож на военного — прям, подтянут, немногословен. Его лицо молодежато и решительно, белый чубчик зачесан на строгий косой пробор. На одном из недавних заседаний ученого совета он бросил профессору Лашкевичу: «Ты еще под стол

пешком ходил, а я уже мелиорацию делал!» Он старше Лашкевича на шесть лет.

В своих профессорских трудах Печкуров по-прежнему спрямляет реки -- наперекор новейшим научным данным, общественному мнению, человеческой потребности в природной красоте. Когда я осторожненько обмолвился об этом, он рубанул:

-- Я ученый, а не поэт! Ученый криков и вздохов не признает! Для него святое -- только факты!

Профессор Печкуров предупреждает: водохранилища затапливают неоправданно большие площади плодородной земли. Лучше эту землю засеять, отказавшись от водохранилищ, а влагу аккумулировать в глубоко осушенном болоте.

Но факты убеждают сильнее: водохранилища расплозились в огромные зловонные лужи потому, что неправильно спроектированы, не очищены от кустарника и торфа. Водоохранилища нужны, чтобы сбалансировать водный режим, заменить собой осушенные болота. Они надежный, гарантированный источник воды. Накапливать влагу в почве, предварительно глубоко опустив грунтовые воды, страшный риск.

Почему же так упрям профессор Печкуров? Выслушаем его:

--Есть исследования Ивицкого, Скоропанова. Они доказали: чем ниже уровень воды, тем выше урожай. Это доказано на Минской станции, на реке Волма. Ивицкий доказал: даже травы лучше родят, когда вода ниже.

Профессор Лашкевич с самого начала протестовал против проведения опытов Ивицкого, считая их методологически неверными, опасными для науки и практики. Он добился выезда членов ученого совета на поле и доказал на месте всю методологическую нелепость опытов Ивицкого. Вижу, даже через тридцать лет его коробит от безграмотности тех опытов.

Лашкевич тоже проводил исследования на осушенной Минской болотной станции. В его монографии «Плодородие торфяных почв и возделывание конопли» на странице 148 – главный вывод: «конопля страдала от недостатка влаги». Почему же вывод Лашкевича противоположен выводу Ивицкого?

— А я сейчас поясню, -- отвечает мне Лашкевич. -- Свои опыты Ивицкий проводил без учета удобрений в почве. Удобрения — сильная штука. Если

удобрений в достатке, растение потребляет влаги наполовину меньше. Вот истинная причина высоких урожаев Ивицкого при низком уровне грунтовых вод на плодородном участке. Ивицкий совершил методологическую ошибку, она неминуемо переросла в ошибку принципиальную. Он испортил и науку, и природу. Ему все равно. Он озабочен лишь собственным здоровьем. Видели его спортзал в кабинете?

Я видел.

Член-корреспондент Академии наук БССР Андрей Игнатьевич Ивицкий совсем не академичен в беседе. Живой старик, грузноватый внешне, но прямо-таки молниеносный в дискуссии. И в поступках неожиданный. С удивившей меня непосредственностью он показал, как делает зарядку с «диск здоровья». Две параллельные пластины, соединенные друг с другом при помощи шариков. Кладешь на пол, становишься на этот диск ногами, быстро вращаешься туловищем туда-сюда — все мышцы тела под нагрузкой. «Диск здоровья» лежит у профессора в столе. Он вынул железяку, положил на паркет газетку, на газетку диск. «Сказал мне с ехидцей: «Попробуйте!» У меня не вышло, чуть не свалился на паркет. У него получилось прекрасно, он делает ежедневно тысячу вращений! Кроме того, в его кабинетном шкафу куча гантелей. Одну, самую тяжелую, он для меня поднял. Чувствую себя хорошо, несмотря на годы, сказал он. Буду работать, пока есть силы.

Силы глубокоосушенцев циклопические. Что они замышляли сделать с белорусской водой и что успели натворить — мы увидели. Посмотрим теперь, что мыслили они сделать с белорусской почвой.

Преобладающая почва на осушенных болотах — торфяник, он же чистое органическое вещество, накопленное за тысячи лет. Торфяник неплохо горит, если его высушить. Выдувается ветром, выносится с плугом, с картофелем, свеклой, морковью, он, как говорят, срабатывается, если сеять на нем пропашные, перелопачивать его несколько раз в году. Торфяник может сработаться до нуля, до «лысины» на поле, обнажив песок, таких фактов в Белоруссии предостаточно. И, если факты есть, можно допустить нечто совсем ужасное: весь торфяник в республике сработался, пропал, Полесье — огромная плешь на теле природы...

Почему бы не представить этого, если фактов пропажи торфа на полях немало? Вообразить, ужаснуться и не допустить.

Степень и скорость сработки торфяника зависит от уровня грунтовых вод и вида сельскохозяйственных культур. Судьба торфа была в центре спора «мелко»- и «глубокоосушенцев».

1958 год. С. Скоропанов. «Современные методы освоения болотных и заболоченных почв». Стр. 5: «Наблюдения показывают, что минимальное разрушение органического вещества происходит в почве, занятой многолетними травами».

1961 год. С. Скоропанов. «Освоение и использование торфяно-болотных почв». Стр. 229: «Наши данные, полученные на Минской опытной болотной станции, показывают, что в среднем за 46 лет ежегодное уменьшение органического вещества составляет 4.5—5 т/га. В результате на участках с мощностью слоя торфа в начале мелиорации 45—50 см последний полностью преобразовался и образовались, по существу, новые окультуренные почвы. Это позволяет сделать вывод, что уменьшение мощности слоя торфа есть процесс окультуривания, а не разрушения почвы».

SOS: над торфяником нависла смертельная опасность!

1962 год. С. Скоропанов. «Курс на пропашную систему земледелия». Стр. 7: «Практика и научные данные свидетельствуют, что травопольная система земледелия не соответствует первому и главному требованию — получать с земли максимальное количество продукции. Многие ученые страны понимали это давно и потому в разное время подвергали сомнению и отвергали основные положения В. Р. Вильямса. Стоит, однако, пожалеть, что это в лучшем случае приводило только к некоторым «уточнениям к развитию теории В. Р. Вильямса, но от этого ее позорная основа не переставала быть позорной и вредной для сельскохозяйственной практики. Особенно нетерпимой стала доктрина Вильямса в современный момент, когда наша страна вступила в период практического построения коммунизма».

Стр 18: «...укоренение на хорошо осушенных торфяно-болотных почвах пропашной системы земледелия является верным средством повышения экономической эффективности мелиоративных мероприятий».

Но пропашная система осуждена так же, как и глубокое осушение. Что было делать Скоропанову, какой теории придерживаться? Какие факты и где искать?

1973 год. С. Скоропанов в сборнике «Возделывание сельскохозяйственных культур на мелиорированных землях» (стр. 49) сообщает: «В недалеком прошлом, когда производство азотных удобрений в стране должным образом не было организовано, главная ценность торфяных почв заключалась в азоте... В условиях, когда химическая промышленность страны развивает мощности по производству азотных удобрений, экономически более целесообразно сохранить органическое вещество почвы, которое в водном режиме играет большую роль, чем мобилизация почвенного азота...».

Далее послушаем:

«В этих принципиально новых условиях задача заключается в том, чтобы каждый гектар мелиорированных торфяных почв давал максимальное количество высококачественных и дешевых кормов, производимых на промышленной основе, с минимальными потерями органического вещества почвы».

Вывод: сеять травы, возвратиться к «позорной» и «вредной» системе Вильямса, который, к слову, был академиком АН СССР, ВАСХНИЛ и АН БССР. Под новый вывод новые факты:

«Мелиорация таких почв общепринятыми нормами осушения... ускоряет переход мелкозалежных торфяников в обычные песчаные. (Недавно писал, что это создание новых окультуренных почв. — А. К.). В качестве примера может быть совхоз «Новоселки» Петриковского района, где на площади около 1 тыс. га такие преобразования уже произошли» (С. Скоропанов в сборнике «Проблемы мелиорации». 1974 год. Стр. 85).

Что же такое факт, если, по Скоропанову:

в 1958 году торфяник надо было беречь, и факты это подтверждали, и научными исследованиями установлено, и практика колхозов и совхозов свидетельствовала;

в 1961 году торфяник надо было разрушать, и фактами это подтверждалось, и научными исследованиями установлено, и практика колхозов и совхозов свидетельствовала;

в 1973 году торфяники надо было вновь беречь, и фактами это опять подтверждалось, и практика колхозов и совхозов свидетельствовала. Что же скрывается за понятием «факт»?

Факт в том, что в 1961 году, в разгар критики травопольной системы, профессор Г. Лашкевич писал: «Еще в 1930 году в совхозе имени 10-летия БССР Любанского района нами было организовано культурное пастбище на торфяных почвах... Результаты убедительно говорят: на таких пастбищах можно получить много высококачественного дешевого корма и вместе с тем сберечь органическое вещество торфа на сотни лет» (из докладной записки в вышестоящую инстанцию).

За понятием «факт» стоит прежде всего человек. Это вроде известно. Я относил это к области искусства, поэзии, политики, морали, но не к науке. Наука, думал я, отличается особым отношением к факту, существующему независимо от человека. Объективный факт, открытый человеком, это и есть наука. Нет такого факта — нет и науки. Так я думал, пока не зарылся в факты мелиоративной науки и пока не увидел в этих дебрях-фактах их создателя и одновременно открывателя — человека, и пока не блеснула в них на мгновение синяя ленточка реки.

В дебрях-фактах мелиоративной науки река увиделась мне на миг, это правда. Нет здесь реки — есть водоприемник. Нет белых лилий в тихом затоне и рябых камешков на стремительном перекате — есть шероховатость. Нет человеческого эстетического соучастия во всплеске мелкой волны на песчаном пляже, в игре света на рыбацком рассвете — есть формулы и графики руслового процесса.

Все, что происходит в природе, можно, наверно, выразить формулой и уравнением. Но природа и человек независимо друг от друга существовать уже не смогут. Надо создавать уравнение, которое бы объясняло все, что происходит одновременно и в человеке, и в природе в момент их взаимодействия. Но как создать такую формулу, если человек еще не познал самого себя?

«Теория» глубокого осушения родилась очень быстро и очень просто. Вот так: полесские болота малоуклонны, рассуждал в кабинете некий инженер-

проектировщик; чтобы создать воде хорошую скорость, дренаю надо заложить с большим уклоном; чтобы придать ей хороший уклон на малоуклонном болоте, надо нижний конец дренаю опустить поглубже — и проектировщик начертил на листке линию дренаю. А чтобы водичка свободно выливалась в канал, надо этот канал тоже углубить, — и вновь начертил...

Бот и вся «теория» глубокого осушения. Собственно, это пока чисто механическая модель, копирующая схему городской канализации. «Теорией» эта схема станет, когда на нее обратят внимание ученые. Если нужны глубокие каналы, значит, надо доказать, что они не вредны, а полезны растению. Доказали. Но глубокие каналы иссушают торфяник и ускоряют процесс его разрушения. Значит, надо доказать, что сработка торфяника — это процесс не разрушения органического вещества, а создания новой почвы. Доказали. Если торфяник не разрушается, надо сажать на нем картошку и свеклу. И дешево, и прибыльно — экономика превыше всего, к этому призывает коммунистическая партия. Остались еще реки. Что делать с реками, как привязать их к «теории»? Да проще простого! Если через дренаю ненужная водичка быстро выливается из земли в глубокий канал, то из канала она так же быстро должна выливаться в реку. Что делать с рекой? Углубить и спрямить!

В основе этой «теории» чистая инженерия. Из механической логики «глубокоосушенцев» выпало главное — природа (она существовала лишь в демагогических вступлениях к монографиям). Природные процессы и взаимосвязи не открывали, не изучали, а насильно подгоняли под механическую конструкцию. Природа страдала и болела, фактов-симптомов ее болезни было достаточно.

Если страдала природа, то не мог не страдать и человек.

Человек проявляется как личность в своем деле.

Тем же «глубокоосушенцам» нравилось, что их мелиорация дешева и, чем они особенно гордились, высокоэффективна: затратили мало, получили много, сэкономили народные деньги! Это был сиюминутный успех, ложный эффект: скоро из земли, мелиорированной примитивным способом, природная сила улетучивалась, как дух, испаряясь последней капелькой влаги. Ослепленные своей идеей, награжденные государственными орденами, «глубокоосушенцы»,

казалось, ничего не замечали, а всех, кто замечал и бил тревогу, окрестили дилетантами.

Письмо в редакцию «Сельской газеты»:

«Я родился и вырос в деревне, которая стоит на берегу Уссы. И мне больно: сегодня Уссы уже нет. Рядом с речкой прокопана канава, по ней течет мутная вода. Уссу спрямляют. Река станет в три-четыре раза короче, а течение ее во много раз ускорится, как мне объяснили. Мне жаль своей Уссы. Я не понимаю, зачем ее губят, почему нарушается закон об охране природы. В. Жук, шофер Дзержинского райобъединения «Сельхозтехника». 14 марта 1973 года».

Он не понимал, потому что в мелиоративной науке был дилетантом. Но он страдал, как и дед Василек на берегу осушенной Криницы. Ему было больно, потому что река, на берегу которой вырос, как кровь, течет в каждом стебельке, рыбешке и бабочке, а значит, и в тебе самом. Но причину этой боли ни шофер В. Жук, ни дед Василек объяснить не могли, они лишь смутно догадывались о ней, потому что были дилетантами в мелиоративной науке. Причину по-научному изложил профессор Лашкевич, принявший сторону дилетантов.

Подлинная наука подлинно гуманна и существует для блага людей — вот что еще раз подтвердил профессор Лашкевич.

«Сердобольный» шофер В. Жук, не посвященный в тонкости природоохранного дела, сделал для охраны природы больше, чем сотрудники института мелиорации, суть деятельности которых — охрана природы. Тысячи речушек теперь, надеюсь, спрямлять не будут!

Не превозносите до небес ум и знания — этих заносчивых акселератов научно-технической революции. Человеческое сердце может дать обществу даже больше, чем человеческий ум. Чтобы остаться на человеческой высоте, читайте стихи.

Не доверяйтесь безоглядно уму, ибо он легко может превратиться в свою противоположность — в невежество. Вот печальный урок, который дает многолетняя борьба «профессоров» и «дилетантов». Чтобы не оскорбить весь многоэтажный институт численностью 600 человек, этот обидный вывод я

поясню на собственном примере (самый достоверный вывод возможен только из собственного жизненного опыта).

Я тоже был «глубокоосушенцем», и даже в двух ипостасях -- и практиком, и теоретиком. «Глубокоосушенцем»-практиком я, как уже известно читателю, стал летом 1964 года, устроившись в Сигневичское строительно-монтажное управление мелиорации помощником экскаваторщика.

«Глубокоосушенцем»-теоретиком я стал в 1969 году, когда, закончив университет, вел в «Сельской газете» вопросы мелиорации. В редакцию шли тревожные письма: мелиораторы губят реки и озера, портят природу. С этими письмами я ходил к известным специалистам, чтобы они объяснили через газету, почему мелиораторы делают так, а не иначе. Специалисты внимательно читали письма, затем умно и толково объясняли: мелиорация — это благо, это хлеб и мясо. Это я знал и без них. Я спрашивал: а обязательно ли при строительстве мелиоративной системы превращать речку в канал? Нельзя ли при этом убить двух зайцев: и речку сохранить, и хлеб получить?

— Скажу вам сразу — нельзя! — авторитетно отвечал мне профессор Зубец и выстраивал такую логическую систему: чтобы осушить болото, надо ускорить сток. Чтобы ускорить сток, надо спрямить реку. Это закон.

Логическая цепь. Железная конструкция ума и знаний. Закон гидравлики и гидродинамики. Разве допустимо не верить в закон, в знания, в профессора? Лично я верил — и был невежда. Безграничное поклонение умозрительной логике, отрицание всего, что не укладывается в эту логику,— это и есть невежество интеллектуальное.

Состояние недоверия ко всему и вся (не скепсиса, а недоверия), даже к самому себе, и является антиподом интеллектуального невежества, его самым ярким антагонистом. В таком, прямо скажем, мучительном состоянии пребывает всю жизнь профессор Лашкевич.

Мы писали с ним совместную статью о мелиорации. Соавторы, вместе ездили в командировку, вместе обдумывали. Статью написали. В ней был один-единственный факт, добытый не совместно. Я «взял» его в одиночку, предложил вставить: факт был яркий и верный. Статью напечатали на машинке. Поочередно прочитали. Вижу, мой соавтор мнетя, что-то его гложет.

Что такое, Григорий Иосифович? По покраснел, даже серебристый ежик на голове сделался розовым. Смутился профессор. Начал извиняться: «Вы знаете, совесть мучает. Ведь я не видел того факта, а ссылаюсь на него. Надо бы и мне увидеть, а, дорогой Анатолий Николаевич? Может, снимем? Вы только, ради бога, не обижайтесь!» — окончание «ся» он выговаривает на белорусский манер, при волнении и вовсе может перейти на русско-белорусскую мешанину, -- троянку, которой, как все в Белоруссии, пользовался в детстве.

Мой факт пришлось убрать. Я несколько не обиделся. Был рад, что мне представился случай еще раз убедиться в его исключительной беспощадности к себе. Я не обиделся, потому что видел: мне он доверял. Он не доверял себе, не проверившему тот факт, не пощупавшему его собственными руками.

Как назвать это чувство недоверия к себе — совестью, порядочностью, щепетильностью, честностью? И к какой сфере отнести все эти его несомненные качества — профессиональной или человеческой? Подобное разделение будет искусственным и ложным. Нельзя разделить! Профессиональные и человеческие качества в Лашкевиче невозможно рассмотреть отдельно, в отрыве друг от друга.

В долголетнем споре о принципах и методах мелиорации, который вели Лашкевич и его противники, столкнулись не только научные направления, но и различные жизненные позиции. Это был не только научный спор, но и поединок личностей. Моральная победа пришла на сторону Дашкевича-человека, Лашкевича-гражданина. Личностные качества Лашкевича оказались обществу в определенный момент нужнее качеств профессиональных.

Эйнштейн верно подметил: «Моральные качества замечательного человека имеют большее значение для его поколения и для исторического процесса, чем чисто интеллектуальные достижения. Эти последние сами зависят от величия духа, величия, которое обычно остается неизвестным».

До войны массовое осушение белорусских болот велось в Любанском районе Минской области. Сюда в начале тридцатых годов поехал Янка Купала, затравленный партией за «нацдемовщину». Мелиорацию он восславил в печально известной поэме «Над ракою Арэсай»: «Аб новым Палессі яснае

зары складаць будуць песні складна песняры. Апяюць у песнях працу, гераізм, як на край балотны йшоў Сацыялізм”.

Слабымі неряшлівымі неубедительнымі стихамі народны поэт захицаўся ад нападак бесовскай сілы. Спасаючы сябе, ён удзельнічаў у сацыялістычным забойстве прыроды. Неужэлі поэт не адчуваў душынай болю, калі на яго вачэй уміралі рака, заліўны луг, прырэчная роцца?.. Не магу паверыць у Купалову душыную глухоту! Калі б прырода не нашэптала яму перадсмертных слоў, то ў знак солідарнасці з ёй не зрабіў бы Янка Купала два самоубійства -- першае ў 1930-м (неудачнае), другое (удачнае) ў 1942-м, ў Маскве, непадалёку ад Крэмля, ад лагова “Сацыялізму”.

У 1979 годзе мы з Лашкевічам вырашылі шукаць Купаловыя следы ў Любанскім раёне. Поехалі ў калхоз, якім шмат гадоў кіраваў Кузьма Іванавіч Шапалко, ў 1951 годзе атрымаўшы званне Героя Сацыялістычнага труда за высокія ўраджаі на осушаных болатах.

Мы поехалі да Шапалко за падтрымкай. У яго калхозе, піонеры меліярацыі, да семідзесяці гадоў наступствы шырокамасштабнага осушэння праявіліся найбольш зрыма. Аўтарытэтны прэзідэнт мог на ўсю краіну кінуць кліч: спыніце губітельную меліярацыю!

Втроем, Шапалко, Лашкевіч і я, мы праводзілі разам паўдзень. Аглядвалі напрамленую раку Орэсу, узенькую, безводную, практычна ўнічтожаную. Стаялі на беразе пустых осушальных каналаў, парослых лозай і асіной. Атверчаліся ад пылі, гонімай ветрам з белых торфянікоў, на якіх у густой лебедзе кое-дзе ўгадывалася картошка, а ў шыкарным осоте -- бледная рожь...

Дэградацыя зямлі, прыроды і хазяйства, вызваная «меліярацыяй», была наліцо. Удзіўльна і печальна -- Кузьма Шапалко яе будаў не заўважваў, не прызнаваў. Ні ў полі, ні ў кабінете, пад партретам Леніна. Выкручваўся, як рыжы полесскі вьён, ссылаўся на неаблагодзітую пагоду, на плохія плугі. Падбіваў нас разам з дзяўчынкамі купацца ў Орэсе, дзе вады па колена, і пераканацца, што рака не знікла. Заўважваю, пра Орэсу ў «Энцыклапедыі прыроды Беларусі» (1983) паведамляецца, што яна «утвараецца ад зліцця двух магістральных каналаў». Тупая бессовесная байка пра вядомую раку,

которая родилась в Беларуси за тысячу лет до появления советских канавокопателей.

Кузьма Шапльико наотрез отказался подписать нашу совместную статью, где на конкретных фактах демонстрировались губительные последствия осушения болот. Он глубоко разочаровал и меня, и Лашкевича. Настроение у нас было невеселое. В городе Любань заехали в ресторан, выпили водки: Лашкевич -- полрюмочки, а я как молодой, моложе его на 42 года, -- целых три. «Ну, Кузьма! Ну, хитрец рыжий!» -- сокрушался профессор. Кузьма, поясню, был колоритный мужик -- кучерявая шевелюра на нем горела ярко-рыжим цветом. На лице многоопытного, обласканного властью председателя блуждала, ничего не выражая, странная улыбка.

Сидели мы в ресторане долго. Говорили о природе, о поэзии, о Кузьме Шапльико, о Янке Купале, о нашей советской власти, редко выражающей истинный ход вещей в народе, в природе, в обществе. Раскрасневшись от полу-рюмочки, возбуждвшись от увиденного в колхозе, 75-летний Григорий Иосифович стал похож на мальчишку, искреннего и беспомощного. Тут он и признался мне, что в юности писал стихи, -- и стал еще роднее и понятнее. Тут и я признался в том же. За что настоящие мужчины должны были повторить (естественно, имеется в виду водка).

И все-таки в трудной жизни профессора Лашкевича были редкие победы. Иногда ему удавалось достучаться до безликого государства, до конкретного государственного мужа, обладающего умом, совестью, ответственностью. И тогда принимались правильные решения, и наступал временный откат в покорении природы.

Говоря «Лашкевич победил», я имею в виду как его самого, так и здоровое общественное мнение, сконцентрированное в нем, подлинно государственное задание, которое он выполнял. В чем смысл этого задания?

Людям, государству нужен хлеб. Больше и больше хлеба! Чтобы вырастить хлеб, надо иметь хорошее поле. Такового в Белоруссии недостаточно. Поле решили создать на «бесплодном» (для людей) болоте, осушив его, изъяв у природы. Цель мелиорации и благородна, и примитивна: добыть на болоте хлеб.

Благородную задачу осквернила прежде всего мелиоративная наука. Ученые, выполняя задание государства, пошли к цели напролом, без оглядки, преследуя собственный интерес. Они быстро достигли желаемого: осушенное болото дало относительно высокий урожай, за что государство отблагодарило их орденами и научными степенями.

Таким образом, государство добавило в благородное дело мелиорации еще больше скверны и лжи. Тщеславию ученых, добывших на болоте хлеб, нет предела, нет управы. В 1982 году в беседе со мной бывший директор института мелиорации профессор В. Зубец сказал: «Да, ошибки были. Зато каждый третий кусок хлеба и мяса — с осушенных земель!» Рядом сидел новый директор института В. Карловский. Он согласно покивал головой. «Да, были ошибки. Но каждый третий кусок — с болота!»

На заседаниях ученого совета А. Печкуров по-прежнему иронизирует над «любителями мелкой сети» (его характерное выражение взято из протокола от 30 января 1980 года). Молодой сотрудник о Г. Лашкевиче говорит мне, как о блаженном: недопонимает старик. С. Скоропанов изучает эволюцию торфяных почв в неестественных условиях — на Минской станции, на которой уровень грунтовых вод сильно понижен городским водозабором.

Г. Лашкевич протестует, его по традиции игнорируют. Ученый спасает природу, лжеученые насмешливо крутят пальцем у виска.

В семь утра у меня дома раздался телефонный звонок. «Анатолий Николаевич! Тысячу извинений, дорогой! — услышал я в трубке темпераментную речь Лашкевича. — Всю ночь не спал. До чего мы дожились! Под боком у института губим природу— и никого не волнует. Приезжайте, убедитесь. Срочно напишем статью. Надо остановить этих шарлатанов. (Действительно остановил! — А.К.) Возят песок и засыпают лес. У вас есть фотоаппарат? Возьмите! До чего докатились! Приезжайте в одиннадцать. Я сейчас займуся зарядкой. Схожу в институт. Не забудьте фотоаппарат. Тысячу извинений, дорогой!»

В одиннадцать высокий старик ждал меня на перекрестке недалеко от института. Апрельский ветер дул с холодной силой и выжимал слезу, надо было постоянно отворачиваться от него. Ветер рвал полы длинного, немодного

покроя пальто профессора, когда он, наклонившись вперед, шагал от городского светофора в сторону леса.

На улице Горького бетонная коробка института мелиорации встала в семидесятых годах. Когда-то здесь было болото. В двадцатых годах на нем организовали Минскую опытную болотную станцию, одну из первых в СССР. Болото осушили и полвека проводили опыты. Пригородное болото, что оказалось теперь в черте Минска, преподнесло ученым много уроков, оказало немало услуг, в том числе и медвежьих.

Осушив болото, ученые оставили нетронутым небольшой лесок: посмотреть, что будет с ним через десяток-другой лет, как отреагирует он на осушение. Через пятьдесят лет профессор Лашкевич вел меня в лесок, который видел молодым, зеленым.

Настырный ветер не отстал от нас, когда мы вошли в лес. Ветер свистел и завывал в редких кривых стволах, в многочисленных дуплах и дырах, в измученных кронах сосен, похожих скорее на пальмы, в опаленных солнцем корнях, вышедших на поверхность осевшей почвы.

Лес прожил мучительную жизнь и сейчас медленно умирал, вой влажного апрельского ветра был в этом лесу жутким и пустынным. Но почему лес умирал: от неумелой мелиорации, от городского водозабора, от выхлопных газов?..

Впечатление пустыни завершали серые обветренные валуны, колотые камни, желтые кучи гравия, сваленные под деревьями. Камни и безжизненный песок из карьера доставили сюда люди. Камнями и песком они хотят засыпать обнажившиеся корни деревьев и таким образом ликвидировать вопрос: почему лес умирал?

Профессор Лашкевич показывал мне все это так же, как дед Василек показывал когда-то свою умирающую усадьбу.

«Торфяники тушили пожарной машиной, а лес заваливаем камнями. К чему нас приведет булыжная тактика?» Профессор спрашивал не у меня — у холодного ветра, у редких травинок, у замученных сосен. И все они ему отвечали.

Какой ответ слышал Лашкевич в молчании кривых соснах? Какие факты для дальнейших исследований сообщала ему по очереди каждая травинка, к которой он наклонялся низко-низко, чтобы расслышать ее как соавтора?

То, что он слышал, в юные годы он передавал стихами, а в зрелые годы – научными трактатами. Мне не довелось читать поэта Лашкевича, он, в отличие от меня, свои юношеские стихи уничтожил. Наверно, они были похожи на мои. Иначе мы не встретились бы ради того, чтобы вместе выстрадать, написать, пробить в печать эту документальную повесть о белорусской природе.

Не вмешивайтесь в диалог профессора и травинки, диалог, начавшийся семьдесят семь лет назад, когда в деревне Остров на берегу речки Добрич, притоке Сожа, в крестьянской семье родился мальчик Гриша, диалог, с самого первого мгновения лишенный всякой корысти с обеих сторон...

В 1998 году в белорусской прессе стали появляться сведения о том, насколько прекрасно и полезно болото и как государство его полюбило. Скажем, такая заметка:

"Мелиорация, которая в послевоенные годы проводилась в Беларуси на площади в два миллиона гектаров, стоила более 10 миллиардов долларов США. По словам академика Ивана Лиштвана, делалось это непрофессионально, такое крупное вмешательство в природу не могло не иметь отрицательных последствий. Оно привело к сильной эрозии почвы, загрязнению рек, заметным климатическим изменениям в Европе и к иным нарушениям экологического равновесия. Сейчас разрабатывается государственная программа рационального использования мелиорированных земель на 1999-2005 годы. И.Лиштван считает, что она требует значительного переосмысления, поскольку предусматривает реконструкцию всей мелиоративной сети на площади 2 миллиона гектаров. Между тем, по словам известного ученого, результаты исследований в бассейне реки Ясельды и в Житковичском районе дают основания утверждать: для возобновления нарушенного экологического баланса нельзя вести сплошную реконструкцию мелиоративных систем. Некоторые мелиорированные земли необходимо вывести из сельскохозяйственного использования."

Заметка изобиловала неточностями. В Беларуси мелиорировано не два миллиона гектаров, а три. Сотни рек не просто загрязнены, а уничтожены. Зарыто в землю, выброшено на ветер, спущено в океан не 10 миллиардов долларов, а значительно больше — самобытность нации.

Академик Лиштван не сказал прямо, что спасение — не в реконструкции каналов, а в ВОССТАНОВЛЕНИИ БОЛОТ. В полуправде я узнал мелиоративную мафию страны.

Очерк "Позиция" о Г.Лашкевиче опубликован в московском журнале "Дружба народов" в мае 1982 года. Его обсуждение состоялось в Белорусском научно-исследовательском институте мелиорации 11 января 1983 года. Разоблачив автора как клеветника, ученые позволили ему выступить. Из аудиозаписи:

"По своему содержанию очерк "Позиция" — исторический очерк, в нем показана многолетняя борьба двух направлений в мелиорации. Сегодня некоторые товарищи пытались доказать, что ничего не было: преступных ошибок, заведомо ложных конъюнктурных идей, шараханий от одной теории к другой, прямо противоположной, не было торфяных бурь, пожаров, полыхавших на переосушенных землях на площади 10.000 гектаров в одном только районе.

Так и вырывается известное: а был ли мальчик, написавший всем известную брошюру "Курс на пропашную систему"? Автор ее академик Скоропанов сейчас по-мальчишески играет в жмурки со своим высоким научным званием, утверждая, что не существовало субъективных ошибок, а были: объективные причины, политический момент, хозяйственная необходимость.

В опровержении на мой очерк (тридцать страниц!) академик Скоропанов своим действиям пытается найти исторические аналоги. К примеру, он ссылается на план ГОЭЛРО, основанный на сжигании торфа в печах электростанций. И вы только послушайте, что пишет Скоропанов: "Соответственно развивалась и теория этого дела». То есть он имеет в виду научную теорию, обосновавшую сжигание торфа.

Уважаемый академик извращает историю. Сжигание торфа было компромиссом в тех условиях. Но теории — не было. Не нашлось ученых, которые бы взялись доказать, что сжигание торфа в топках способствует его накоплению в болотах.

Ученый, который создает теорию соответственно чему-то или кому-то, появился позже в образе Скоропанова, специалиста по торфу. Сначала торф надо было разрушать, чтобы взять с него больше продуктивных единиц. И Скоропанов сотворил теорию этого дела. Затем торф надо было сохранять — и Скоропанов вновь создал научную теорию этого дела.

Я прочел все работы Скоропанова. Знаете, какое самое любимое его выражение? "В этих принципиально новых условиях" — вот что он повторяет без устали, самолично создавая те самые условия на болотах, в лесах, на полях.

Несколько лет проходит, партия шарахнулась в другую сторону, в новом исследовании Скоропанова опять встречаешь: "Возникли принципиально новые условия..."

Я читал и работы академиков мелиорации Зубца, Ивицкого, Печкурова. Меня поразила взаимозависимость авторов. Допустим, Ивицкий нечто предположил, а Скоропанов уже утверждает с апломбом. Ивицкий опубликовал результаты единственного опыта, а Зубец и Скоропанов берут эти сомнительные результаты на вооружение для собственных пространных выводов.

В опровержении Скоропанов выражается: "Порочное в своей основе писание Козловича." Директор института Карловский позвонил в издательство, где готовится моя новая книга, и предупредил, что журнал "Дружба народов" совершил роковую ошибку, опубликовав вредный очерк Козловича, так не повторите ее вы, издатели.

Скоропанов пишет в опровержении: "Болото как таковое всем своим существом противоречит интересам общества, тормозит его социальное развитие. Извлекаемые из него полезные продукты (небольшой урожай, сбор дикорастущих ягод, добыча животных) достаются человеку ценой огромных усилий, а иногда и жизни." И еще: на осушенном болоте "мускульная энергия человека заменена механической энергией." Такова научная аргументация. Наука ли перед нами?

Президент украинской Академии наук Патон недавно писал председателю Совмина республики: "Осушение полесских болот может привести к непоправимому нарушению экологического равновесия." Он призвал белорусов "подготовить совместные предложения о заповедании территории Полесской низменности."

Белорусы — не поддержали призыв к жизни. Они что, не хотят жить?!"

Через пару дней после обсуждения очерка меня потребовали в парткомиссию ЦК КПБ. Престарелый чистильщик партийных рядов зачитал жалобу академика Скоропанова на писателя-клеветника Козловича. Я возразил в том смысле, что досконально изучил историю белорусской мелиорации и основополагающую роль в ней Скоропанова и что мои резкие суждения вызваны болью за уничтожение природы... "Партбилет на стол! — взвизгнул партдед, перебив меня. — Я не таких сопляков обламывал. Или вон из партии, или извинись перед всемирно известным ученым!"

Вон из партии означало — вон из "Литгазеты", из литературы. Я послал Скоропанову письмецо: "Уважаемый Степан Гордеевич, приношу свои извинения за резкий тон моего выступления при обсуждении очерка "Позиция".

Писателя осудили. Мелиорацию продолжили, доведя трагедию до высшего накала. В середине восьмидесятых был готов научно-обоснованный проект уничтожения реки Припяти.

В 1988 году в Минском Доме литератора проходило межреспубликанское совещание "Проблема Припяти". Собрались ученые, практики, общественники, госчиновники, писатели. Президиум возглавляли академики Степан Скоропанов и Иван Лиштван. Первый сидел в качестве свадебного генерала и живого воплощения партийных традиций в науке, второй старался провести корабль мелиорации через полесскую пустыню.

"Нет в Беларуси человека, который хотел бы жить в болоте!" — веско сообщил залу академик Лиштван. "Есть такой человек!" — крикнул кто-то в зале, без приглашения пошел к трибуне. Это был, как вы поняли, публицист Козлович, кое-как оклемавшийся после серии разгромных статей в газете "Советская Беларусь" и, наивный, решивший спасти Припять. Дома я

заготовил манифест "Живая Припять", который предложил совещанию принять в качестве документа. Из манифеста:

"Товарищ! Ты хочешь, чтобы твои дети, внуки, правнуки увидели живую реку? Чтобы они были сыты? Чтобы дышали не пылью пустыни, а лесным белорусским озоном? Если хочешь этого, товарищ, помоги образумить безумных покорителей природы.

Мы предлагаем:

1. Целиком отклонить проект "Белгипроводхлза" по обвалованию Припяти как научно не обоснованный, практически нецелесообразный, крайне опасный для экологической системы Полесья. Руки прочь от Припяти!

2. Полностью прекратить осушение болот в Полесье и в других зонах республики. Усилия мелиораторов сосредоточить на очистке сельхозугодий севера и востока Беларуси от кустарников, на спасении старопахотных земель. Разработать новую концепцию землепользования в республике.

3. Ликвидировать "Главполесьеводстрой" как узковедомственную организацию, преследующую корыстный интерес.

Товарищ-единомышленник, взгляни на свою ладонь — там линии твоей судьбы. На твоей ладони линия реки».

Манифест не приняли. Автора высмеяли. Академик Лиштван знал, кому из своей административно-научной команды дать слово в нужный момент.

Над Припятью встали стрелы экскаваторов, чтобы засыпать ее. Белорусский корабль взял курс на пустыню, чтобы там застрять и сгнить. Я не могу забыть, кто был у руля, — вице-президент Академии наук Лиштван. Я не верю, что он переквалифицировался в профессионального лоцмана, которому открылись "отрицательные последствия" смертельного пути. Десяти последующих лет (1988-1998) вполне хватило бы, чтобы Полесье уничтожить и забыть. **РАЗРУШАТЬ И УНИЧТОЖАТЬ — ВОТ СУТЬ СОВЕТСКОГО ПРОФЕССИОНАЛИЗМА.**

Нас спасла не ученая мысль, а логика истории. Общество "подсмотрело" у природы законы самосохранения — и развалился СССР. Разразился экономический кризис. Разрушились связи. У мелиораторов кончились деньги. Замерла их техника. Белорусы получили шанс на биологическое выживание.

Зеленые лезвия травы стояли не шелохнувшись. Листья осинки, как им положено, трепетали от неслышного ветерка. В наличии были лозинка, березка, ольха и даже сосенка. Квакала лягушка. Взмыли три утки и, завидев меня, быстро упали в спасительные дебри.

Здравствуй, болото! Я приветствую твое возвращение в Беларусь. Может быть, вернешь наше лицо, изуродованное бульдозером, и спасешь нашу душу. Мы — опять в болоте. У нас появилась возможность начать подлинную мелиорацию. Улучшать природу, а не губить.

Ширина вернувшегося болота — метра три, длина — тысячи километров. Животворящие ленты спеленали Беларусь, их первоначальное название — мелиоративные каналы.

Группа сановных каналокопателей Беларуси, возглавляемая академиком Скоропановым, выступила в печати с призывом: спасите каналы от зарастания сорной растительностью, а мелиорированные земли — от повторного заболачивания, не дайте пропасть национальному достоянию. Как люди действия, они предложили метод спасения каналов: прочистить. То есть вновь копать. Опять сделать так, чтобы из Беларуси в океан потекла вода, чтобы сквозь наши леса, луга и пашни явственно проступил жаркий лик Сахары.

Каналы Беларуси — это скорее национальный позор, чем достояние. Спустить воду умел прачеловек: острым камнем рыл нечто, а когда вода из лужи уходила — собирал по дну моллюсков. И уходил на новое пространство, забрасывая и свой примитивный праканал, и бывшую лужу. Примерно так действовали мелиораторы Беларуси до середины восьмидесятых годов двадцатого века.

В Беларуси каналы чистили. Этим занимались деревенские старики. Они загибали навозные вилы, удлиняли черенки лопат, ковали в кузнях специальные черпаки. Примитивным инструментом русловые ремонтеры (так их окрестили) спасали каналы и опустынивали Беларусь. Чем чище канал, тем быстрее летит по нему вода, тем скорее наступает пустошь.

Хвала отечественной бесхозяйственности! Она погубила каналы и спасла Беларусь. Эффективной машины для очистки каналов сделать не удосужились, а русловые ремонтеры поумирали. Каналы позарастали травой,

лозой, березой, сосной, ольхой, заселились лягушкой, уткой. Превратились в болото. И каналокопатели закричали "караул!"

Их, каналокопателей, услышали в соседнем болоте — государственно-бюрократическом, которое сейчас называется "президентская вертикаль". Там каналы решили спасать, и сию миссию возложили ... на колхоз.

Задавленный госрэкетом, прозябающий в нищете, обезлюдевший, обессиленный, доживающий свой век, он, колхоз, должен очистить все каналы: магистральные, центральные, коллекторные, обводные. Чтобы их очистить, колхозу понадобится двести лет (200)! Расчет произвели в 1995 году мы вместе с председателем колхоза "Прогресс" Березовского района Михаилом Зеневичем.

Славно, что еще двести лет в Беларуси будет вода. За это время узкие ленты болота (бывшие каналы) накопят достаточно болотных сил, расширятся, выплеснутся на иссушенные берега, вернут белорусские пейзаж и климат.

Приятно думать, что правнуки теплым летним вечером будут слушать болотную лягушку и кузнечика в саду.

Так надо ли бояться вторичного заболачивания, если в нем — спасение от безводья? Сколько сельхозугодий будет вновь отвоевано природой? Как это скажется на сельхозпроизводстве, на уровне жизни и быта людей? Восстановится ли прежний гидрологический режим Беларуси в полном объеме и надо ли воевать с ним прежними методами?

Вопросы серьезные. Ученые и практики, которым предстоит поставить их перед собой, — еще не родились. Национальная академия наук из самоуправляемой независимой научной организации усилиями режима превращена в государственный орган, обязанный исполнять заказы государства. От сочетания науки и власти рождается военно-промышленный монстр. Либо мелиорация. Иных вариантов пока не было. Подождем лучших времен. У нас в запасе двести лет.

Немцы в белорусском болоте появились в середине девяностых. Словно дети, они радовались тому, что увидели. В Европе болот не осталось, там их восстанавливают. В Германии научились приводить в первозданное состояние осушенные речные долины и деградировавшие в результате неумной

мелиорации болота. В Голландии возвращают морю отвоеванное у него прибрежное дно, переставшее родить. Сытые европейцы почувствовали, что стало трудно дышать. Испортился воздух. Как в парнике: витаминов изобилие, а дышать трудно.

Чтобы жить и дышать, немцы решили помочь белорусам восстановить силу и красоту болота. Их (не наши) ученые пришли к выводу, что усиливающийся парниковый эффект вызван крупномасштабным осушением Полесской низменности и, как следствие, всеевропейским изменением климата (наводнения, смерчи, засухи). Спасаясь, они, может, спасут от замора и нас.

В Гамбурге размещается главный офис крупнейшего в Германии частного экологического фонда Михаэля Отто. Накопив опыт по восстановлению поймы реки Эльбы, сотрудники фонда обратили внимание на пойму реки Припяти. Совместно с нашим академическим институтом зоологии фонд М.Отто организовал две экспедиции в Полесье, белорусское и украинское. На удивление и радость, был обнаружен болотный символ — вертялая камышевка. Глобально исчезающий вид птиц. В Полесье, как написано в отчете экспедиции, "гнездится около половины мировой популяции вертялой камышевки. Ее общая численность здесь оценена в 10-12 тысяч поющих самцов."

Мне нравится это научное выражение — поющие самцы. Немцы — тоже нравятся. Их детская радость от полесских болот вылилась в серьезнейший научный проект по созданию заказника "Средняя Припять". На немецкие деньги заказник проектируют в нашем министерстве природных ресурсов и в нашей академии наук. Немцам я верю, а нашим — нет. Немцам хочется дышать свежим воздухом, а нашим — потрафить властям. Как решит власть, так сделают ученые. Власть говорит, что для возвращения болота на его законное место нет юридических оснований. У власти у нас самцы не поющие, а законопослушные, трусливо молчащие. Непродуктивные самцы.

Каюсь, я передал секрет о наших самцах в Гамбург. В фонд М.Отто я также сообщил, что мое государство привыкло жить за счет освоения новых земель, поэтому не отдаст "зеленым" последний лакомый кусок в пойме Припяти. Рождение заповедника потребует кардинальных изменений в

хозяйственной практике обширной полесской зоны: слом мелиоративных систем, перестройка промышленных и сельскохозяйственных предприятий. На это у государства нет денег, желания. Экологическая культура населения настолько низкая, что новый заповедник затопчут, как затоптали все старые, существующие формально. В Беларуси преобладает точка зрения на болото как на бесполезный объект.

Из Гамбурга мне ответили: "Мы разделяем многие из изложенных вами мыслей относительно способности осуществления в Беларуси проектов по охране природы. Поэтому мы приняли соответствующие меры в нашей концепции проекта." Какие меры — немцы не сказали. Это секрет. И холодная предусмотрительность.

Из других источников мне стало известно, что западные экологические инвесторы опасаются не целевого использования средств, не дают сразу много, а дают по частям, конкретно и адресно. Правильно делают! Белорусские покорители природы начеку. Как только увидят деньги — хватают. В середине восьмидесятых выделяли деньги "под Чернобыль", а пускали на осушение болот. В середине девяностых президентский завхоз Иван Титенков забрал себе заповедники и сейчас заготавливает там древесину. Вполне возможно, что деньги на заповедник в пойме Припяти будут направлены на спрямление Припяти.

Нам повезло, что экологическими партнерами оказались расчетливые немцы. Может, они вернут белорусам то, что создал для них Бог, — болото. Сделай же так, Господи, чтобы никакие деньги не попали в руки белорусских "мелиораторов"!

Зимой 1988 года ко мне домой, предварительно позвонив по телефону и проявив интеллигентность, явились два незнакомых молодых человека. Приехали из деревни Песочное Копыльского района, где жили и работали: Сергей Веркашинский — учителем-биологом средней школы, Георгий Холод — ветеринарным врачом совхоза "Луч". Обоим только что исполнилось по тридцать, оба верили в Перестройку и Гласность, объявленные партией, посему решили перестроить местную жизнь, а точнее провести ее экологизацию. По замыслу ходяков, я посещаю их деревню, наблюдаю, как

уничтожаются остатки природы, пишу в газету, после чего в Песочное и окрест приходит спасительница Экология.

Ребята, природу изводят во всех деревнях и городах Беларуси, о чем я и мои коллеги сочинили миллион статей, открывать второй миллион мне не хочется, так как имею право на разочарование в действенности слова. Понимаете меня? Они понимали, но делать что-то хотели, а что? Поднимать народ, юноши. Партия, народ и мелиорация едины? Едины. Надо разоблачать эту сказочку. А как? Попробуйте собрать земляков на экологический митинг, тут я подспею в Песочное, засвидетельствую митинг, сочиню миллион первую заметку — и в свете гласности, может, повезет бедным бобрам, ручьям и ракикам вашим.

Деревенские интеллигенты уехали домой, я стал ждать звонка о событии, организованном мною. Личным опытом подтверждаю ленинскую мудрость: журналист в недоразвитом обществе есть не только пропагандист и агитатор, но и организатор. Открещиваться от очевидного, педалировать на журналистскую отстраненность имеют обыкновение лживые, порабощенные сочинители из президентских газет и телевидения.

Информационная журналистика как четвертая власть появляется в обществе после того, как освободятся от политической конъюнктуры, от личностной диктатуры, от ведомственной узколобости три первые власти — законодательная, исполнительная, судебная. Пока не произойдет уравнивание трех, журналистика вынуждена быть тенденциозной. С 1917-го на войне двух миров, естественного и надуманного, воюют всё и вся, в том числе информация. Хочешь победы — разработай умелую тактику. На войне, как на войне.

Учитель Веркашинский позвонил: экологический митинг жителей деревни Песочное назначен на 20 марта 1988 года в 15.00 в совхозном Доме культуры. Я прибыл за час до начала, не предупредив руководство совхоза. Задача состояла в том, чтобы не дать директору шанса перенести митинг либо "потерять ключи" от клуба. Чтобы повязать директора, я попросил его показать объекты, из-за которых разгорелись страсти.

Петр Мороз был начальником, присланным сюда семь лет назад. Как человек пришлый, он был лишен местной памяти. Не видел, как когда-то на луг Ямицы ежевесенне наведывался полноводный Неман. Зато теперь видел, что на пересушенном каналами лугу не растет трава, посему решил: надречный луг распахать и засеять. Последний заливной луг в здешних местах.

Вдоль деревни Песочное, внизу, узкой полосой тянулось урочище Ракитники. Там, недотянув до Немана, остановилась речушка, в кустах жили бобры. Окраины были захламлены. "Надоело глядеть на этот мусорник, — сказал мне директор, — надо ликвидировать." — "Что ликвидировать?" — "Осушить, раскорчевать, сделать пашню. В совхозе кругом пески, а в Ракитниках торфяник, вырастет свекла." И последний лесок уйдет в пески! Так я мог возразить директору, да не стал, предложил поторопиться на митинг, который начинался через пять минут.

В клубе было темно и холодно, сидели в пальто. Присутствовало человек сто. Выступили семь человек. Резкую заповку сделали мои знакомые борцы, в том же духе продолжил отец одного из них — пенсионер Андрей Веркашинский, во время войны партизан, командир роты, после войны председатель сельсовета. Он проложил путь и прибавил смелости леснику Федору Карповичу, пенсионеру Георгию Микуло, учителю иностранного языка Владимиру Первосту, совхозному шоферу Сергею Рощенко. Необходимо учесть реплики с мест, топот ног, гул, смех, без каковых не бывает голоса народа. Власть озвучил директор совхоза "Луч" Петр Мороз.

Народ: Где наши реки — Барановка, Лоша, Турья, Неманец? Засыпаны, превращены в сухие канавы. Вокруг ничего не растет. Судить надо за это.

Власть: Нужна вода. Ракитники надо убрать, сделать там водохранилище. (За пять минут директор успел поменять планы! Ведь только что говорил мне о свекле.)

Народ: Хотите сделать сплошь пустыню?!

Власть: Как коммунист обещаю вам: будет вода!

Народ: Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!..

Народ решил: Ямицы и Ракитники — сохранить в Божьем состоянии.

Власть мгновенно и подленько отомстила: экскаватор для очистки Ракитников от мусора — не давать.

Заметку о первом в Беларуси выступлении крестьян за родную природу мне удалось напечатать в малотиражной белорусскоязычной газете "Літаратура і мастацтва". В редакцию поступили два реагирования: из Госкомприроды, из райисполкома. Важно сообщалось, что "представительная и авторитетная комиссия глубоко изучила вопрос" и что мнение газеты признано правильным: урочища Ямицы и Ракитники оставлены на утешение деревни.

Газета "Советская Белоруссия", процитировав ту же заметочку (правильную! народную! неопровержимую!), целый месяц истерично вопила, что А.Козлович есть дилетант и провокатор. Как пример академик С.Скоропанов и его подручный журналист Е.Будинас приводили очерк о Лашкевиче, к тому времени с большими сложностями и купюрами вышедший в книге «На моей ладони линия реки». Травлю организовали заведующий идеологическим отделом ЦК КПБ Савелий Павлов и первый заместитель главного редактора «Советской Белоруссии» Иосиф Середич. Союз писателей не остался равнодушным, но письмо коллег в мою защиту газета не напечатала.

Одновременно борцу за природу ветврачу Георгию Холоду было предложено убраться из совхоза, из квартиры, и он вынужден был уехать, искать работу и жилье.

Одновременно по деревне был пущен слухок, что Веркашинские, отец и сын, мутят воду, навязали народу не то мнение. В Ракитниках нужно развести нутрий. Объявились деловые парни, предложили огородить урочище, превратить в зверинец. Дешево и прибыльно. Каждый житель получит по шапке. Налетай, народ, на очередной крючок хитрой, безответственной, беспощадной, антинародной власти.

Веркашинский-младший в отчаянии хотел вновь звать народ на митинг, но осмелится ли прийти? Можно было еще раз написать в газету, но какой толк? Можно было призвать свои знания в области биологии и географии,

найти единомышленников среди принципиальных ученых. Такой путь самый долгий, конец его в тумане, но учитель избрал именно такой путь.

Вот что рассказал мне Сергей Веркашинский через 11 лет, в 1999-м:

“Труднее всего было воевать с товарищами, предложившими в Ракитниках разводить нутрий. Я сочинил письмо в Институт экологии при Академии наук. Обосновал свое предложение провести обследование Ракитников на предмет ценности как резервата природы. Поддержали. Областной комитет по охране природы объявил урочище микрозаказником. Он был первый в районе. Теперь их три. Микрозаказник стал частью экологической тропы, созданной в школе. Мы с ребятами занимаемся научной темой: “Эколого-фенологические исследования древесной и кустарниковой растительности, изучение популяции бобра.” У людей к природе потребительское отношение. Люди нищие, природа — единственный источник доходов. Каждый старается урвать кусок в лесу, на речке. Формирование экологического сознания возможно при условии здоровой экономической обстановки. Очень сложно объяснить ребенку, что во время нереста нельзя ловить рыбу, когда он видит в магазине селедку стоимостью в треть зарплаты его мамы-доярки.”

В микрозаказнике, отвоеванном Сергеем Веркашинским, живут бобры, поют соловьи, зеленеют ракиты. Почему же я говорю о микропобеде? Попробую объяснить, опираясь на историю бобра.

При раскопках 14 городищ 6 — 12 веков на территории Беларуси и примыкающих районов Смоленщины, кроме прочих предметов материальной культуры, обнаружены кости бобра. Это говорит о повышенном внимании человека к бобру, а также — об изобилии бобра. Бобровые поселения размещались на всех крупных реках и озерах Беларуси, то есть там, где обычно селился человек. И бобры, и люди живут семьями, строят хатки примерно одинаковых размеров — высотой до 3 метров, шириной до 12. Хатка бобра более изобретательна и безопасна, вход в нее под водой.

Чтобы замедлить течение реки, чтобы не уходила вода и питала растительность, бобры строят плотины — длиной до 200 метров! Не у них ли

идею плотины позаимствовал человек? Идею содрал, а бобра уничтожил. К четырнадцатому веку популяция бобра в Беларуси уменьшилось настолько, что некоторые мудрые представители людей заговорили о мерах защиты.

В шестнадцатом веке Статут Великого Княжества Литовского, наряду со злободневными вопросами общественно-государственного устройства, урегулировал и бобровые проблемы. Запрещалось тревожить бобра там, где живет: не пахать, не косить, не пасти скот, не рубить деревья и кусты. Несчастье бобра в том, что Бог дал ему прочный мех и бобровую струю. И то и другое решил отнять человек. Прежде чем отнять, обладателя требовалось убить. К восемнадцатому веку поселения бобров сохранились на Березине, Припяти, Пине, Ясельде, Свислочи. К началу двадцатого века бобры в Беларуси почти исчезли, отдельные колонии сохранились в труднодоступных для человека дебрях на Березине, Соже, Немане.

В 1925 году для возобновления бобра был создан Березинский заповедник, там в 1931 году учтено 54 бобровые хатки. В 1948 году начался отлов бобра и заселение им водоемов Беларуси и СССР (в 35 областях). До 1962 года расселено свыше 4 тысяч бобров. Их максимальная численность в современной Беларуси зафиксирована в 1970 году — около 30 тысяч особей. Затем началось уменьшение, что связано с ликвидацией рек, пойм, кустарников, стариц, озер, болот. К началу XXI века в связи с повторным заболачиванием заброшенных осушенных земель пошел процесс увеличения популяции бобра. Вернулись к его промыслу. Ради шкурки и струи.

Про шкурку, думаю, ничего пояснять не надо, а про струю знают не все. Бобровая струя — термин парфюмерный. У бобра (самца и самки) у корня хвоста размещены парные грушевидные мешочки с желтоватой жидкостью, при помощи которой животные метят границы владений, находят партнеров в периоды гона и расселения. Бобровая струя обладает сильным и стойким запахом. Люди додумались перерабатывать ее и добавлять в ... духи. Причем в духи лучших сортов. Чтобы усилить и закрепить их запах.

От каждой ароматной дамы пахнет бобром. Если дама с собакой проехали в лифте на прогулку, то после них в кабинке пахнет дамой, а не собачьей струей, оставленной в виде лужи на полу. Чтобы было так, в 1963-1983 годах в Беларуси для дам СССР заготовлено 2 тонны струи, для чего убито 8 тысяч

бобров обоего пола (о нынешних заготовках сведений добыть не удалось). Без струи отечественные парфюмеры как без рук. И, можно сказать, без мозгов, поскольку не придумали, как французы, добавлять в духи ферменты ... городских нечистот, а просто свели с земли население бобра. Надушенные женщины, без которых, как известно, нам на свете жизни нет, все-таки не уравнивают свет и тьму так, как это делали бобры, исчезновение которых есть свидетельство измельчания света. Этот свет сузился до тонкой полоски урочища Ракитники.

С открытием морских и океанических островов человек открыл в природе еще одну закономерность: особи одних и тех же видов животных, обитающие на островах, как правило, мельче материковых особей, живущих в аналогичных условиях. Наблюдениям путешественников долго не придавали значения, объясняя их субъективными ощущениями, случайностью. По мере накопления фактов появилась статистика. В научный обиход введен термин — правило островного измельчания.

Что такое Ракитники? Я видел: островок в море песка, называемого пашней совхоза "Луч". Коль так, бобров, спасенных учителем Веркашинским, ждет измельчание. Микрозаказник (и даже небольшой заповедник) способствует вырождению животных. Возможно, на первоначальном этапе они теряют важнейшие жизненные инстинкты. И женщины останутся без обольстительного запаха.

На острове Ракитники в изоляции от Божьего Света растут деревья, травы, цветы, живут насекомые, рыбы, моллюски (в речке, оторванной от Немана). Яркая выраженная островоподобность их совместного существования — трагична. С течением времени на замкнутом пространстве нарушатся процессы саморегуляции и саморазвития. Биогеоценозу Ракитников угрожает правило островного измельчания, то есть постепенное обеднение, деградация, растворение в окружающей среде — в колхозной бесхозяйственности, в начальственной тупости, в государственном равнодушии. Так природная система срастается с общественной системой — и тотальная гиперсистема грозит существованию человека.

Беларусь состоит из Ракитников, Лозняков, Березняков, Сосняков, Осинников... Еще на памяти живущего поколения все они были единым целым — страной лесов, лугов, болот, рек, полей. В шестидесятых годах под наступлением "мелиорации", химии, свинофермы и власти страна начала распадаться на острова. От деревень ушли реки и леса, сосна отделилась от березы, явор — от калины, горизонт закрыли закопченные трубы, соляные отвалы и торфяные бури, полешук сделался степняком, рыбаки — пастухом, лесник не понимает пахаря, пахарь — лесника...

Действует закон обеднения разнородного живого вещества в островных его сгущениях.

4 мая, 11 мая, 13 мая 1988 года, как я уже говорил, газета "Советская Белоруссия" разрядилась тремя уничтожающими статьями, посвященными моей персоне. Огонь на поражение по живой цели вели опытейшие стрелки коммунистической пропаганды.

Тогда же я получил письмо от Акима Михайловича Старохатнего из деревни Ломовичи Октябрьского района Гомельской области. Мы не были знакомы. В тот момент у него самого кошки на душе скребли: умирала мать. Однако он бросился мне на помощь. Его письмо «Советская Белоруссия» не напечатала (так же, как и статью в мою поддержку доктора биологических наук Бориса Савицкого). Старохатний написал мне. Наша переписка продолжается свыше двадцати лет. Я совершил бы грех, если бы спрятал в личном архиве письма удивительного человека. С его разрешения прочитаю публично несколько страничек.

"Здравствуйте, Анатолий Николаевич! Кратко о себе. Рождения 1927 года. Отец репрессирован в 1937 году, умер 1 апреля 1940 года в лагере в Карелии. О дате его смерти узнал два месяца назад от гэбиста, который приезжал ко мне по делу реабилитации отца.

В конце 1944 года был призван в армию, на фронт не успел доехать. Служил в ваших родных местах в Брестской области. Там же была моя первая любовь и первая разлука. Демобилизовался в марте 1951 года. Работал

военруком в школе. После окончания в 1957 году педучилища был учителем начальных классов до мая 1986 года. Сельским учителем работала и моя жена.

Собственными руками построил себе дом. Вырастили с женой детей, имеем внуков. Держим крестьянское хозяйство. Жить бы да жить, но Чернобыль все исковеркал. 4 мая 1986 года нас эвакуировали. Сейчас на чужбине умирает моя мама. Просит, чтобы похоронил на родном кладбище.

В книге "На моей ладони линия реки" на страницах 62-64 вы рассказываете о деревнях Колыбань и Посудово, вокруг которых все осушено, все голо. Это моя родина. Между ними расположена деревушка Вельмово (или Велимов). Там родились мои родители, там родился и я. Велимов входил в колхоз "Ленинский шлях", центром колхоза была деревня Колыбань.

Все, о чем вы с болью пишете, я пережил лично. Все, все пережито. И выпрямление в канал речки Брагинки, и черные бури на торфяниках и на ставших очень высокими полях, и безводные колодцы, и уничтожение кустарников по бывшим речным долинам, и сизый от горевшего торфа воздух, и улет аистов навсегда, и зайчишки пропали, не говоря уже о куропатках, и жаворонки стали редкостью. Теперешние дети уже не знают, что такое луговая земляника, цветок лесного ландыша, теплый летний вечер, ласковая речушка.

Оскудела наша земля, и это началось, когда стали создавать колхозы. Если бы в тридцатых годах колхозы создавались на добровольных началах и параллельно существовали бы единоличники, которые со временем могли бы стать образцовыми фермерами, всех этих бед могло не быть, мелиорация шла бы разумнее.

Вся беда, что хороших хозяев земли услали подальше, а колхозников превратили в дешевую, рабскую, жестоко эксплуатируемую силу. Они покорно молчали, пока мелиорация творила на земле, что хотела.

Теперь молчать заставляют вас. Знайте, что вы не одинок. С вами я, Аким Старохатний. Простите, что сумбурно написал. Хочется постоянно находиться рядом с мамой. Она живет последние дни." Май 1988.)

"До чернобыльской катастрофы мне снились странные сны. Как будто иду я по своему бывшему болоту Ельи, а потом вдруг плыву на ракете, и как

будто я брожу по кустарникам и лесам, по которым ходил в детстве, и слышу много-много птиц.

В шестидесятые годы, когда мелиорация безжалостно губила нашу околицу, я плакал. Пробовал бороться. Когда приехали два бульдозера корчевать молодые березки возле деревни, я попросил не выполнять наряд. Трактористы были наши местные, колхозные, и были посланы не ПМК, а нашим председателем колхоза (теперь он доживает век алкоголиком). Я сказал, что сообщу секретарю Комаринского райкома Степуку, он раньше был сельским учителем, директором школы. Степук, вечное ему спасибо, запретил председателю колхоза корчевать этот березничек. Так он сохранился.

А я поплатился. Лет 10-12, покуда властвовал этот председатель, он мстил мне. Не давал сенокоса для коровы. Хотел выморочить меня голодом. Понимал, что сельский учитель без подсобного хозяйства не проживет. Но коровку я не сбыв, за летний отпуск накашивал сенца, возил на тачке. Травы по неудобицам вокруг деревни тогда хватало, а сил своих я не жалел. Доказал самодуру, что выживу.

Колхозный начальник радовался, когда мелиораторы корчевали леса, сушили болота, луга. Он бесплатно получал новую землю. Первые годы она хорошо родила, затем делалась безводной, бесплодной. Весной ветер сносил верхний слой до желтого песочка. Председатель забрасывал переосушенное поле, взамен получал от мелиораторов новую площадь. Глядя на начальника, люди становились варварами, травили землю химическими порошками, спускали в речку навозную жижу, завалили лес отходами.

И мне часто приходила в голову кощунственная мысль. Дал бы Бог, чтобы людей лет на 10-15 с этих мест выселили. Пусть бы природа осталась сама по себе, без людской жадности, пусть бы росли деревья, дубки, которые вырубались на дрова.

Один дубок я сохранил возле дороги, которая у нас называлась Границы. В старину она отделяла панскую землю от крестьянской. На этом дубке-кустике я повесил табличку, что здесь лежит наш боец. Хотя останки его и перевезли в братскую могилу в Комарин. С кустика получился дуб, лет ему уже 20. Никто не посмел его срубить. В конце своего огорода я вырастил несколько

дубов, хотя они затеняли картофель и рожь. Дубки почти в один обхват, но они стоят без меня.

Те мои кошмарные мысли, чтобы всех выселить и спасти природу, стали явью. Пришла чернобыльская беда. Людей выселили. А я мучаюсь: не я ли накаркал?

Хозяйская деятельность и жадность людская по воле Чернобыля в наших краях прекратились. Животный мир, растительность радуются без человека. Я этого хотел, молился, чтобы природа возродилась. Научи дурака Богу молиться, он лоб себе разобьет. А я своими молитвами еще лишил себя и земляков родины. Разметало нас, велимовских, кого куда. Готов просить у односельчан прощения.

Летом ходил на родину. Без пропуска в зону не пускают. Мы знаем партизанские тропы. Шел я километров 8 вдоль канала Брагинка, от деревни Чернево до Колыбани, до железной дороги Чернигов-Овруч. Насыпь ее превратили в дамбу, боялись, что вода хлынет в Припять, потом в Киевское море, понесет по свету нашу радиацию. Осушенные болота по одну сторону дороги залили водой. Что делалось на этой воде! Птиц разных были тучи, словно в астраханском заповеднике. Я видел стаю аистов, насчитал 52. Дикае утки летали стаями черными.

Шел я, и душа радовалась. Словно попал я снова в свое детство. А потом вспомнил, где я иду. Зона. Радиация. Эх, человек! До чего ты дошел!

В общем, до свидания. Идет дождь, на дворе нет работы, вот и пишу вам наболевшее. Будете в наших краях, заезжайте ко мне. Вместе сходим в зону, в мою деревню. Тянет! Вы меня поймете. Я помню, с какой тоской вы писали о вашей сгоревшей хате." (Июль 1988.)

"Получил ваше письмо, благодарен за память обо мне. Винюсь, что долго не писал вам. Пошел восьмой десяток, обострились старые раны души, наваливаются физические хвори. Но это не важно.

5 декабря 1998 года умер мой младший сын Михаил, прожил всего 38 лет. Долго болел, мужественно боролся за жизнь, нес свой крест. Раковая опухоль тазобедренного сустава возникла после сильной травмы, которую он получил в Афганистане. Работал на Чернобыльской станции. После аварии на

ноге образовалась незаживающая язва. Во время эвакуации из города Припять, где жил с семьей сын, у него родился Антошка. Теперь он сирота.

Жена сдалась, с трудом передвигается по хате. Хозяйские заботы на моих плечах. Коровку-кормилицу со двора не увел, держу и кабанчика. Из последних сил за них держусь. Без коровки и кабанчика ты не человек, а покойник. Моя пенсия 20 долларов.

На жизнь денег нет, донашиваем фуфайки и кирзовые сапоги, добываем древние серпы, косы, топоры, тачки. Как посмотрю на эти орудия труда, то не верится, что кончается 20 век. Какая забитая наша деревня и как свыклась!

В колхозе не платят. Чтобы выжить, люди воруют, но уже нет чего и воровать в том колхозе. Технику добились, новую купить не за что. Землю запустили, скот продали. Василия Старовойтова за то, что попытался заменить колхозное рабство свободным трудом, посадили в тюрьму. Вернулся культ сатаны. Обидно помирать, не дождавшись ясного неба. Отец его не увидел, я не увидел, и сынок.

Наш диктатор хвалится, что выплачивает пенсии вовремя. Чиновничьи морды откормлены, как у боровов, блестят от сытости, а я за ту пенсию не могу купить 1 килограмм сахара и 1 бутылку растительного масла. Лукашенко довел людей до голода, а они не понимают, кто с ними такое сделал. Чернобыль облучил, Лукашенко обдурил. Такие теперь белорусы. Борются с темнотой у меня уже нет сил.

Вы моложе, у вас больше энергии. Чтобы в нашей стране сохраниться человеком, не потерять совесть, прокормить семью, надо держаться за землю. У вас есть кусочек, держитесь. Земля хоть впроголодь, да прокормит. Доброго здоровья вам и вашим близким." (Декабрь 1998.)

«Обстоятельства вынудили меня переселиться в Гродно к старшему сыну Александру. Здесь же живет моя младшая дочь Елена. Старшая дочь с семьей после Чернобыля живет в Киеве. Сын Александр работает директором фирмы автоперевозок. До Лукашенко эта фирма давала хорошие доходы работникам и хорошие налоги государству. Теперь же задавили проверками, таможенными пошлинами. Денег хватает только на скромную зарплату работникам, а их в фирме 50 человек.

Семь лет назад сын купил недостроенный двухэтажный коттедж, довел его до ладу, обставил мебелью. Комнат много, нам с женой тоже нашлось место. Бросить крестьянствовать и переехать в город меня заставила болезнь (аденома предстательной железы). Я с нею боролся 15 лет, но наступил момент, когда надо было умирать. Но Бог сделал мне отсрочку. 23 августа, в дни моего 75-летия, приехал сын и забрал меня в Гродно. Здесь сделали две операции. 26 ноября выписали из больницы. Немного окреп, решил написать вам.

Когда я лежал в больнице, зять Иван с дочерью Еленой поехали в деревню Ломовичи, где я после Чернобыля прожил пятнадцать лет. Сдали мою коровку на бойню, покололи свиней, убрали урожай с огорода, выкопали картошку, подготовили вещи к перевозке. Привезли наше имущество в Гродно, сгрузили на дачах. Никому здесь наша крестьянская одежда, наша мебель не нужны. Дом в Ломовичах оставили на присмотр соседям. Дом кирпичный, с водой, туалетом, ванной. Строили его для чернобыльских переселенцев. Без хозяина он пропадет. Председатель колхоза обещал его купить, но я не верю. Колхоз не имеет ни копейки.

За свою жизнь я теряю пятый дом. Ничего не жалею. Жаль только собачку Бимика, он остался в Ломовичах. Бимик сбежал со двора, когда грузили на машину мое имущество. Зять с дочерью не смогли поймать его и привезти в Гродно. Это был мой верный друг. С ним обошли все поля и леса на 15 километров вокруг деревни Ломовичи. Как будто с ним осталась там моя душа.

Простите, что расписался. Но хочется хоть часть своих дум высказать человеку, который поймет тебя.» (Декабрь 2001 года.)

Если бы я не знал Акима Старохатнего, я бы не посмел утверждать, что человек может ощущать личную вину за все людские грехи.

Аким Старохатний считает себя виновником чернобыльской катастрофы, которая показала: гибель человечества реальна в обозримом будущем. Все остальные современники, имевшие отношение к Чернобылю, виновными себя так и не признали. Таким образом, не виновны:

директор ЧАЭС;

главный инженер;

персонал;
главный конструктор;
наука в целом;
генеральный секретарь компартии как главное действующее лицо;
ум, честь и совесть эпохи как философия;
советская социалистическая система;
мировое атомное профи;
организация Объединенных наций, не выплатившая Беларуси компенсацию за материальные потери;

человечество, следовательно, не виновато в том, что Беларусь засыпал Чернобыль;

и, наконец, никак не выказал своего отношения к трагедии белорусов Бог. Вину за Чернобыль на себя не взял, Ноев ковчег белорусам не послал.

На Земле живет Аким Старохатний, который взял на свое сердце вину за человечество, порождающее чернобыли и диктатуры. Он и есть в Беларуси посланник Божий. Свет, излучаемый им, означает, что здесь еще не угасло противодействие сатане. Свет от Акима несет народную энергию, которая по сути равноценна космической.

Энергия народа, интуитивно нацеленная на поддержание статус-кво семьи, рода, этноса, жизни, будущего, в конечном счете пересиливает энергию электората, подверженного сиюминутным эмоциям, урчанию желудка и байкам очередного вождя. Народную энергию сознательно концентрируют в себе и выражают собой как правду деятели интеллектуальной и творческой элиты и такие «простые люди», как Аким Старохатний. Свет от Акима окончательно разрушил во мне так называемый плюрализм.

Мои писания вызывают у некоторых электоров и политиков приступы идеологического бешенства и ненормативного словотворчества. Они тоже пишут мне письма. Какими только уничижительными эпитетами меня ни награждали, каких проклятий и матерщины в мой адрес ни посылали! Однажды, следуя принципу плюрализма, я процитировал то, что можно печатать. И тут же получил от Акима Михайловича замечание: «Не унижайтесь

перед дураками, не опускайтесь до уровня болтунов и пройдох. Не обращайтесь на них внимания.»

Человек — вездесущ. Он может опускаться до уровня скотины и возвышаться до уровня Бога. В низменное состояние его обычно приводят насильно, в поднебесное — он стремится сам.

Сверхчеловек, герой Фридриха Ницше говорил ("Так говорил Заратустра"): "Если бы существовали боги, как удержался бы я, чтобы не быть богом! Следовательно, нет богов».

Заратустра живет логикой амбиций, Старохатний — логикой вины. Амбиции рожают Адольфа Гитлера, вина — Акима Старохатнего.

Белорусский народ заслуживает будущей жизни потому, что Аким Старохатний — его здоровая частица. В космосе сохранился исправный белорусский модуль. Если к нему умело пристыковаться — получится обитаемый белорусский дом.

Летите, белорусы, в бесконечность!

В 2005 году я вновь вернулся в документальную повесть, действующие лица которой стали землей. Земля приняла всех, без учета должностей, званий, благих деяний, исторических заблуждений, осознанных подлостей.

На сороковой день, когда душа профессора Лашкевича улетала в небеса, мы, близкие и друзья, помянули его и вновь заспорили: победил он или потерпел поражение?

Нет, друзья, Лашкевич не победил, хотя мы и понимаем, что Бог его поддержал бы, если бы снизошел к нашим земным делам. Многотрудному занятию Лашкевича по спасению природы препятствовала сатанинская сила, возвышающая тех, кто ей способствует. Свою победу над покойным профессором травы она, по сатанинской же традиции, зафиксировала мемориальной доской на красивом столичном доме на проспекте Независимости, где жил Скоропанов, противник Лашкевича как прижизненный, так и посмертный, то есть вечный. Вечный победитель. Ибо учет ведут не земля и небо, а государство. Когда я прохожу мимо сатанинской «доски», мне хочется плюнуть в ту сторону.

В результате затянувшихся «братских» игр руководителей Беларуси и России для белорусов резко подорожали российские нефть и газ. Президент Лукашенко бросил клич: переходим на альтернативные источники энергии! Мгновенно в государственной газете появилась статья академика Лиштвана о том, что в Беларуси еще много торфа и что для природы не страшно, если торф добывать, жечь, преобразовывать в энергию.

Семидесятипятилетний динозавр угодливых наук знал, что в Беларуси не осталось ни одного крупного месторождения торфа, что для разработки новых торфоплощадок необходимо осушать и навечно губить заповедники и заказники.

Правительство приняло решение увеличить добычу торфа.

В 2010 году в Беларуси ученые, хозяйственники и власти совместными потугами родили очередную «комплексную программу возрождения Полесья». Родители программы убеждены, что Полесье как уникальный регион не служит стране и народу со всей эффективностью, на какую способно. Они знают, на что конкретно Полесье способно. Они заставят его, наконец, заработать на полную катушку: проложат железные дороги и понастроят агрогородков, чтобы добыть труднодоступные залежи торфа, горючих сланцев, бурых углей, калийных солей; чтобы продолжить мелиорацию; чтобы возить зарубежных туристов; чтобы полешуки жили сытно, счастливо и долго. В программе, разумеется, достаточно слов о «защите природы», о «бережном отношении» к окружающей среде.

Правильные слова присутствовали во всех предыдущих программах, в результате исполнения которых Полесье насиловалось, обеднялось, уничтожалось. Глумление над природой, равно как глумление над человеком, всегда сопровождается гимном из правильных слов, то есть демагогией. На этом поприще государственной деятельности правильные слова работают не хуже топора и лопаты. Эффективно первое, второе и третье. Полесье еще раз основательно вырубят и перероют. Полешуков окончательно избавят от языческих пережитков.

Я тоже оставил на бумаге много правильных слов о Полесье. И рифмой, и прозой. Когда провалилась оборона Полесья зелеными стихами, я их бросил, перешел на более эффективное, как мне казалось, оружие -- публицистику.

Публицистика действительно воздействует эффективнее. Меня как публициста изгнали из всех государственных газет и издательств. Мне даже не позволили учить будущих журналистов в частном институте, вызвали ректора в министерство образования и приказали уволить вредителя Козловича. Заткнули мне рот, чтобы не портил государственный гимн из правильных слов.

Хорошо еще, что позволили жить-доживать, копать свой огород, подкашивать в саду траву, сажать вокруг своего щитового домика и далее, по деревенским пустошам, березу, липу, клен, сосну, можжевельник, елку, дуб, облепиху, рябину, осину, вербу, черемуху, орешник, сирень, акацию.

Знаю наверняка: у меня будет зеленое продолжение!

1968-2010